

Алексей и Ольга Ракитины *Лекарство от долгой жизни*

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Невыдуманные истории на ночь

Алексей и Ольга Ракитины
Лекарство от долгой жизни

«Издательские решения»

Ракитины А.

Лекарство от долгой жизни / А. Ракитины — «Издательские решения», — (Невыдуманные истории на ночь)

ISBN 978-5-44-856328-7

Сюжет романа «Лекарство от долгой жизни» основан на реальных событиях, связанных со скоропостижной смертью владельца крупной пароходной компании Николая Максименко, последовавшей в октябре 1888 г. Расследование тривиальной смерти от тифа привело к раскрытию хитроумного заговора с целью захвата доходного предприятия. В 2006 г. сокращенный вариант книги под названием «Царская экспертиза» вышел в издательстве «Крылов». Настоящее издание представляет собой авторский вариант текста.

ISBN 978-5-44-856328-7

© Ракитины А.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	18
3	27
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лекарство от долгой жизни

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Алексей и Ольга Ракитины

© Алексей и Ольга Ракитины, 2017

ISBN 978-5-4485-6328-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Лето 1889 года выдалось на юге России жарким и засушливым. Ни капельки дождя не пролилось с неба с самого начала июня! Иногда на заре, у самого горизонта, показывалось нечаянно заблудившееся облачко, но с восходом солнца и оно исчезало как дым. К полудню донские степи накалялись так, что ни ступить, ни повалиться на мелком песочке у обмелевших водоёмов не представлялось никакой возможности.

Впрочем, Алексею Ивановичу Шумилову жара была только в радость. Уже много лет его жизнь была неразрывно связана с Петербургом. Закончив с золотой медалью Училище правоведения, Шумилов послужил некоторое время в прокуратуре Санкт-петербургского судебного округа. Но он покинул сие учреждение после скандального дела Мариэтты Жюжеван, гувернантки-француженки, обвинённой в отравлении восемнадцатилетнего Николая Прознанского. Алексей Иванович заступился за несправедливо оговорённую женщину, истина восторжествовала, но работу он потерял.

Объективности ради следует заметить, что о коллегах из окружной прокуратуры Шумилов не тосковал. Теперь он работал юрисконсультom по вопросам межевого права в «Обществе взаимного поземельного кредита», организации, занимавшейся кредитованием дворян под залог их поместий. Помимо этой службы, не требовавшей большой занятости, Шумилов вот уже десять лет был чем-то вроде частного сыщика, этаким русским Натом Пинкертоном без лицензии, без разрешения на подобный род деятельности и вообще без каких-либо особых прав. Можно сказать, что не столь часто встречающееся ремесло само нашло Шумилова. Это был как раз тот случай, когда сначала человек работает на репутацию, а затем уже репутация начинает работать на него. Шумилова приглашали для негласных расследований,

когда полиция не могла или не хотела по тем или иным причинам докапываться до истины, или же когда из-за соображений конфиденциальности в полицию обращаться было нежелательно. Адвокаты, знакомые, люди в затруднительном положении, обманутые мужья, недоверчивые отцы и прочие – были клиентами Алексея Ивановича. Он умел делать дело быстро, ловко, он не считался со временем и затратой сил, лишнего не просил, а главное – всегда был честен. Ни разу полученные сведения (а их было немало – тайных, подчас постыдных, чрезвычайно секретных) не употребил он в корыстных для себя целях.

Пару раз недобросовестный работодатель пытался использовать Шумилова для того, чтобы обмануть следственные власти и правосудие. Шумилов проявил редкую твердость, – и даже очень высокий гонорар не смог заставить его принять участие в афере. О его работе быстро пошла слава, особенно после ряда громких судебных процессов, которые без негласных расследований Шумилова прошли бы совсем иначе и наверняка были бы проиграны защитой. С уходом из прокуратуры Алексей не принимал более непосредственного участия в судебных слушаниях, довольствуясь ролью этакого «непубличного человека». Но не было в Петербурге ни одного крупного адвоката, агента Сыскаго полиции или работника прокуратуры, который не знал бы фамилию Шумилов.

Летом 1889 года Алексею Ивановичу выпала редкая возможность навестить родных в Ростове-на-Дону. Он вознамерился провести здесь месячный отпуск и вот уже неделю жил в большом деревянном родительском доме, расположившемся в глубине старого сада на самом берегу Дона. Когда-то это была обширная усадьба – с выгоном, лугом, с огородами и даже арбузной бахчой чуть ли не в четверть версты длиною. Теперь же распроданное по частям прадедушкино наследство являло собой лишь остатки бывшего мощного хозяйства. Да и то сказать: город значительно разросся и поглотил окрестные луга, степи, бахчи и пасеки. Люди зажили по-городскому – с извозчиками, конкой, водопроводом, с ежедневными визитами кухарок на рынки, где всегда можно было купить всё, что пожелаешь, и притом отменного качества.

Но сад вокруг родного дома, памятный с детства, в котором Алексей когда-то ловил майских жуков, знал каждое дупло и каждый камень, под которым можно было отыскать притаившуюся лягушку, он воспринимал как старого друга.

По утрам, встав у открытого окна, Алексей срывал горсть спелой, крупной, почти как слива, черешни, что тянула свои ветви прямо в комнату, потом бежал босиком по тенистой тропинке мимо яблоневых и грушевых деревьев, на ходу стягивал с себя тонкую льняную рубашу и с разбегу прыгал в прохладную поутру донскую воду. Эх, это было хорошо! После длительного купания, нанырвавшись вволю и чувствуя приятную легкую усталость, он возвращался в дом, где на террасе уже накрывали стол для обильного завтрака. И чего только здесь

не было! Вареники в сметане, омлет, нарезанный крупными ломтями ароматный домашний хлеб с парным молоком, густая простокваша, домашние ветчина и колбасы... И черешня, много черешни – желтая, розовая, красная, темно-бордовая. Ею в эти недели были заполнены все фруктовые вазы, миски, она лежала горкой на хрустальном подносе. Алексей Иванович в первые дни пребывания в родительском доме только ею и питался, да всё никак не мог наесться.

Так замечательно сложилось, что в это же самое время к родителям приехал и старший брат Алексея – Сергей. Разница в возрасте между ними была небольшой, всего полтора года, но внешне

старший брат мало походил на младшего: здоровенный, смуглолицый Сергей на фоне невысокого бледного Алексея казался сущим бандитом. Единственное, что явно роднило братьев – это кривые ноги потомственных кавалеристов, но обладателями таких ног была большая часть населения Дона. Жил Сергей в Туле, там держал конезавод, разводил скаковых лошадей, причем весьма успешно. Начинал с небольшой фермы, но постепенно расширил дело и теперь был уже известным в кругах специалистов коннозаводчиком.

Он холил своих питомцев, как иная мать не холит своих детей. Выписав из-за границы кучу новейшей литературы по коневодству и ветеринарии, Сергей Иванович оснастил свой завод по последнему слову европейской науки: с особым питанием, всевозможными развивающими процедурами, выучкой и массой хитрых секретов, благодаря которым только и можно было вырастить настоящих, породистых лошадей, будущих скаковых чемпионов. Выставки, бега и конкурсы были для Сергея Ивановича самой притягательной темой разговора. Он мог часами обсуждать московские ипподромные новости, достоинства пород и прочие сугубо специальные вопросы, интересные только знатокам, каким Алексей – даром, что казак! – вовсе не являлся. «Дай ему волю – заговорит всякого», – со сдержанной снисходительностью думал о брате Алексей.

Сергей Иванович приехал в Ростов по делам: ему нужно было получить подтверждение о поставке лошадей в Войско Донское. Это позволило бы ему «обскакать соперников» в очень выгодном деле – получении казённого заказа на поставку скаковых лошадей в армию, в части Московского военного округа. Эх, если бы всё сложилось так, как хочется! Это могло бы решающим образом изменить не только жизнь самого Сергея Ивановича, поместив его в один ряд с крупнейшими коннозаводчиками центральной России, но, главное – дать толчок к значительному расширению дела. И поэтому он уже в течение двух недель мотался по городу и окрестностям, с кем-то встречался, кому-то наносил визиты, осматривал хозяйства других донских конезаводчиков, свёл – либо возобновил прежние – знакомства со всеми сколько-нибудь заметными лицами администрации Войска Донского. Возвращался в отцовский дом Сергей только к ночи. Был он обычно предельно утомлён, но с каждым днём делался всё более доволен. «Поди, переоденься к столу, конюшней от тебя пахнет», – шутила, встречая его по вечерам, матушка.

Родители не могли нарадоваться одновременному приезду сыновей. Семейство Шумиловых было большим, дружным, кроме Сергея и Алексея была ещё дочь Мария, выданная замуж

в Таганрог за местного предводителя дворянства, и младшенький, Дмитрий, закончивший два года тому назад Харьковский университет и поступивший служить на ростовскую таможенную. Завтракали все в разное время, но ужинать собирались вместе за большим столом в гостиной первого этажа. После ужина выходили на веранду и долго пили чай, шутили, спорили, смеялись.

Иногда просили Алексея что-нибудь рассказать из его криминальной практики. Но чаще говорили о народофильском терроре, о марсианских каналах, открытых не так давно Скиапарелли, о спиритизме, о тайнах египетских пирамид, об эпидемиях холеры, о балканском вопросе. Дмитрий брал в руки гитару, и тогда нежный перебор приглашал к исполнению романсов прямо на свежем воздухе, под куполом из виноградных лоз, оплетающих веранду.

Как трогательны и милы были эти семейные посиделки при свете фонарём висящей в небе луны, когда дневная жара сменялась мягкой вечерней негой, а воздух делался густым и тягучим от запаха цветущей петунии! В чёрном небе, таком высоком и чистом, искрились россыпи звёзд, словно протёртые спиртом бриллианты на чёрном бархате витрины ювелирного магазина. «Когда-то мы ещё вот так все вместе соберёмся?» – думал Алексей порой. Алексей Шумилов замечал в эти дни в старшем брате разительную перемену, произошедшую за те два года, что минули с их предыдущей встречи. Непоседливый и неутомимый балагур, картёжник и ловелас, каковым был Сергей прежде, исчез. Теперь его брат стал успешным коммерсантом, тонко чувствующим конъюнктуру рынка и умело балансирующим на грани законности. «А почему бы и нет, если это приносит выгоду?» – таков был его девиз. Встретившись с братом как-то раз за завтраком, Алексей услышал от него весьма нетривиальный монолог:

– Эх, Алёшка, посмотри, что кругом творится. Россия строится, растёт! Какие деньги куются! Сколько вокруг сильных, быстрых, алчных! Если будешь рохлей, мягкотелым интеллигентом – тебя сожрут, не поперхнутся. Погляди на потомственное дворянство, на всю эту голубую кровь. Вот сейчас они (заметь, я себя к ним не причисляю, хотя тоже дворянин) позакладывали свои земли, поместья, вскорости промотают остатки прежних состояний по заграницам, по балам и маскарадам, по казино, по кокоткам, а дальше-то что? Пшик, ничего от них не останется. Сейчас надо деньги делать, поворачиваться, ловить момент. Каждый разумный человек пытается урвать кусок. И это нормально! Станешь спорить?

– Нет, не стану, – отмахнулся Алексей, – тебя послушаю...

Менее всего он желал за завтраком начинать диспут на тему смысла жизни. Но вот матушка не сдержала любопытства:

– Серёженька, сынок, а что такое «интеллигент»? Сейчас везде можно слово это услышать, да только всяк его по-разному перетолковывает...

– Интеллигент, маменька, это такой типический персонаж нашей расейской действительности: человек, обезьяничающий с западных либералов, прежде всего французских, этакий вечный оппозиционер власти, – объяснил Сергей. – Но, в отличие от народофилов, бросавших бомбы и совавших кинжалы в жандармов, интеллигент борется с властью гадким подхихиванием и невнятным критиканством. Короче, маменька, наш русский интеллигент – самая безответственная, самая бесхребетная и при этом самая сволочная часть образованного общества.

– Да неужели? – изумилась мать, – ты, верно, шутишь?

– Нет, маменька, – вмешался Алексей, – Серёжа, конечно, ёрничает, но он по большому счёту прав.

Слово «интеллигент» придумал в 1876 году журналист Боборыкин. Это слово не надо путать с французским «intellectuels», поскольку понятие «интеллигент» не связано ни с умом, ни с образованием. Наиболее точный его смысл – «вечная оппозиция», но не политическая, а моральная, насколько вообще можно говорить о морали применительно к людям, лишённым религиозного чувства. Ведь «интеллигент» – это всегда атеист.

– Ну-у, мальчики, наговорили, ну наговорили, – мать сокрушённо покачала головой. – Как-то всё очень запущено в ваших столицах, так сразу и не разберёшь...

– Короче, Анна, свет, Никифоровна, «интеллигент» – это внутренний супостат, – подытожил отец. – Но ты лучше поторопи Пашку с оладьями.

– Философия на голодный желудок заканчивается призывом к топору, – добавил шутливо Алексей.

Однако старший брат не был настроен шутить и продолжил прерванный монолог с прежним напором:

– Вот ты, Алексей, сидишь на золотой жиле – сделки с недвижимостью, с землей. Колоссальные наделы через твои руки проходят, шутка ли сказать, в крупнейшем в России обществе поземельного кредита работаешь!

– Ты, братец Серёжа, рака за камень не заводи, на меня твоё цидероновское красноречие не действует. Скажи прямо, чего хочешь, – ответил Алексей.

– Давеча вечером случилось мне присутствовать на обеде в Купеческом собрании, там один купчик обмывал покупку рыбного заводика.

– Обед, как водится, плавно перетёк в ужин и закончился глубоко за полночь к утру...

– Ну-у, как водится, – не стал спорить Сергей. – Да только ты меня не сбивай. Не в заводе дело, и не в купчике этом... Так вот, представили меня там одной молодой даме, весьма состоятельной, как я понял. Поговорили, то да сё... Как я понял, знакомство произошло не без умысла.

– Что ты имеешь в виду?

– Думаю, она от кого-то слышала, что брат у меня младший, то есть ты, Алёша, в «Обществе взаимного поземельного кредита» юрисконсульт а ж в самом Петербурге. Вот она и решила свести знакомство.

– Если она семнадцатилетняя вдовица действительного тайного советника, то я уже согласен. А что ей нужно?

– Попросила познакомиться с тобой. Помощь ей нужна в покупке земли. Алёша, это как раз по твоей части. Ты же, поди, собаку съел на этом деле. Так лови момент! При желании и известной поворотливости, если с умом подойти, можно не одно состояние нажить на этих сделках. И, заметь, почти не нарушая законов!

– Ой, братишка, твои слова да Богу в уши... Если б это было так просто, то все бы наши делопроизводители в миллионщиках ходили. Ты мне лучше скажи, что за дама-то?

– Некто Максименко Александра Егоровна, купчиха, вдова, но очень молодая, то есть совсем молодая, года двадцать три, не больше. Так что от семнадцатилетней вдовицы действительного тайного советника не очень далеко. Кстати, весьма недурна собой. Это ещё одна причина, по которой тебе стоит с ней познакомиться! – и уже совсем другим тоном, шутливо-игривым, добавил: – Не тебе, пню замшелому, молодых вдов перебирать. Бери то, что есть. Сколько тебе? Тридцать пять уже стукнуло. Матушка вон спит и видит женить тебя, а то, говорит, в этом Питере за тобой и присмотреть некому.

Алексей поморщился, точно сжевал дольку лимона. Матушкино представление о том, что мужчина может состояться как личность и быть счастливым

только под присмотром доброй супруги в окружении трёх-четырёх-пяти детишек, основывалось на мощном и неопровержимом доводе – «все так живут». Видя, что Алексей пропустил мимо ушей указание на женскую привлекательность искательницы знакомства и не проявляет ни малейшего энтузиазма от перспективы заняться на отдыхе делами, Сергей пустил в ход тяжёлую артиллерию:

– Ну, пожалуйста, Алёша, сделай это для меня. Видишь ли, она очень влиятельная, у неё здесь обширное знакомство, и для продвижения любого, в том числе моего, дела, её расположение может сыграть немаловажную роль.

– Влиятельная? – переспросил Алексей. – Наверное, я ослышался, ты же сам говорил, что она совсем молода. Откуда же взяться влиянию?

– Да уж я и не знаю толком, а только все с ней носятся, все её знают. Я, прежде чем с нею познакомился, фамилию Максименко от полудюжины разных людей услышал. Может, потому что завидная невеста? У такой женщины вдовство долго не протянется. Да и потом, Алексей, ты же мне сам рассказывал, сколько злоупотреблений в сфере сделок с землей: и стоимость участков искусственно завышают, и многократный залог осуществляют, и одни почвы за другие выдают, и мздоимство имеет место, и прочие прелести. Поэтому её желание провести сделку через надёжного человека вполне понятно. Я и сам бы точно так же действовал – попытался бы купить землю не напрямую у продавца, а стал бы приискивать невыкупленный залог в Обществе поземельного кредита. Главная загвоздка – найти достойного человека в помощники. И ты в накладе не останешься – комиссионные можно взять очень приличные. Ну, что скажешь? Да не ломайся ты, право!

Горячий заинтересованный взгляд брата говорил красноречивее его слов.

– Ну, что ж, считай, что завтрак ты мне таки испортил. Когда же мы отправляемся к Александре Егоровне?

– Завтра же поедем. Спасибо, выручил братишку! Следующим утром Алексей Иванович облачился в светлый костюм из тонкого белёного льна, так шедший к его темно-карым глазам и окрасившейся свежим загаром коже. Затем облился дорогим одеколоном, купленным в столичном парфюмерном магазине француза Ланжерона, и вместе с Сергеем Ивановичем направился в дом госпожи Максименко, что располагался на самой престижной в городе Николаевской улице.

Путь был неблизкий. Братьям пришлось более получаса идти по извилистым ростовским улицам – кое-где мощеным, а кое-где безо всякого мощения. Впрочем, по плотной утрамбованной земле идти было легко. Всю дорогу Сергей Иванович пребывал в приподнятом настроении.

– Я вас познакомлю, а потом должен буду сразу уехать – у меня на час пополудни назначена встреча. А вечером ты мне расскажешь, как все прошло. Договорились?

– Ну да, если ты только опять не приедешь под утро и не начнёшь рассказывать извозчику о персидском походе Степана Разина. Тогда я запущу в тебя матушкиным фикусом.

– Ладно-ладно, будет меня пугать. В фикусе с кадкой более двух пудов веса, ты его просто не поднимешь.

– Одной рукой! – отмахнулся Алексей. – Полетит со свистом!

Николаевская, несмотря на то, что являлась одной из трёх улиц, составлявших деловой центр города, была очень тиха. Сплошь застроенная большими, в два-три этажа особняками, она утопала в тени шелковиц, высаженных вдоль проезжей части и дававших спасительную тень. Обитатели здешних особняков были по всем приметам людьми состоятельными, ценившими удобство и основательность. Дом Максименко в этом отношении не являлся исключением. Он представлял собою большое каменное строение в два высоких этажа, несколько отстоявшее от проезжей части и отгороженное от улицы добротной кирпичной стеной. Перед его окнами был разбит палисадник из сирени. От типичного купеческого дома особняк отличал оштукатуренный фасад с лепниной и кокетливый балкончик второго этажа, хорошо видимый из-за высокой стены. Сама эта стена, оштукатуренная и украшенная поверху металлическим декором, была подстать богатому дому. Братья прошли в отворённую калитку в воротах, и Сергей, озираясь, простёр руки:

– Вот он наш, русский, исконный, сермяжный частнособственнический инстинкт. Никаких тебе решётчатых оград – глухая стена, ставни на окнах, кавказец без намордника во дворе и сторож с берданкой. Вот он – дух капитализма! Ты, Алексей, читал Прудона?

– На сон грядущий я читаю Моммзена, – отмахнулся от него Алексей.

На звук колокольчика явилась невзрачная горничная в белом фартуке. Приняв у братьев трости и шляпы, она повела их длинным полутёмным коридором в глубь дома. После яркого дневного света глаза не сразу привыкли к полумраку. Однако от внимания Алексея не ускользнуло то обстоятельство, что гардины во всех комнатах хотя и отличались между собою цветом, но украшены были одинаковыми тканными бурбонскими лилиями. Такое полотно было очень дорого, и для этого дома его закупили, видать, немало. Кроме того, в одной из комнат Алексей заметил настенный телефон: для Ростова, в котором первую телефонную станцию пустили лишь тремя годами ранее, эта вещь была большой диковиной и косвенно указывала на высокий социальный статус её обладателя.

Наконец, миновав ряд просторных, но сумрачных комнат, братья вышли на открытую террасу. Им открылся вид на садовую лужайку и небольшой розарий. В неглубокой тени низкорослых акаций Алексей заметил украшенные лентами качели, а чуть дальше, между деревьями – беседку. Сад был ещё молодой, а качели и беседка казались и вовсе новёхонькими. Как всё это было непохоже на старый шумиловский сад! «Не иначе, как хозяева обустроились тут недавно», – решил Алексей.

Терраса была светлая, полная воздуха и в то же время она была защищена от ярких солнечных лучей нависающим балкончиком второго этажа и погружена в приятную прохладную тень. На накрытом тугой крахмальной скатертью столе возвышался остывающий самовар – этакий медно-красный гигант с пузатыми боками. В серебряных блюдечках янтарём переливалось ароматное варенье, а над ним вилась пара ос. Изящный двухместный диван-лавсит и кресла из плетеной ивовой лозы прекрасно сочетались со светлым деревянным полом и резными столбиками, увитыми виноградом и уходящими вверх, в основание балкона. На маленьком лаковом ломберном столе на другом конце террасы были разложены карточки и бочонки для игры в лото. Идиллическая картина!

Хозяйка принимала гостей. Напротив нее за столом с самоваром сидел молодой человек – белокурый, кудрявый как херувим, с тонкой, нежной, способной вмиг наливаться густым румянцем кожей. Рядом в кресле-качалке, расслабленно откинувшись, полулежала молодая женщина.

– Доброго вам дня, Александра Егоровна! – заулыбался Сергей. – Исполняя давешнее обещание, привёл вам моего братца. Вот, позвольте рекомендовать: Алексей Иванович собственной персоной.

Молодая улыбающаяся женщина поднялась из-за стола, чтобы приветствовать новых гостей. Светло-русые волосы её были высоко подобраны, открывая круглую, слегка полноватую шею, плавно перетекавшую в сдобные плечи и роскошный бюст, уютно прятавшийся в складках кружев. Впрочем, самое начало заманчивой ложбинки было предусмотрительно оставлено открытым, притягивая взоры и заставляя мужчин испытывать некоторое волнение в присутствии этой пышущей здоровьем, молодой и полной чувственной энергии женщины. Утреннее домашнее платье, стоявшее, пожалуй, не менее полугодового оклада столичного чиновника средней руки, было в кружевах и оборках, казавшихся неуместными в своей чрезмерности.

– Очень рада, очень рада видеть вас обоих. Я непременно хотела с вами познакомиться, Алексей Иванович. Счастливый случай, что вы приехали в наши края.

Женщина проговорила всё это нараспев, подавая руку для поцелуя и не сводя с Алексея больших серых глаз. Затем, повернувшись, жестом радушной хозяйки пригласила к столу.

– Господа, позвольте представить вам моих друзей, – продолжила она. – Аристарх Карлович Резнелд и Софья Карловна...

– ... его сестра, – с улыбкой добавила женщина, полулежавшая в кресле-качалке.

Была она столь же молода, как и хозяйка дома, но весь её облик казался как-то бледнее. Да и одевалась Софья Карловна проще: ситцевое платье в мелкий цветочек, голубой бант

в белокурых волосах. У них с братом было большое внешнее сходство. Но удивительное дело – в облике Аристарха те же черты лица, вьющиеся волосы и общая сухость фигуры выглядели гораздо привлекательнее. «Прям какая-то насмешка природы, – подумал Алексей Иванович, – кому же из двоих нужна красота? Понятное дело – женщине, а в этой семейке получилось всё наоборот». Аристарх Карлович поднялся со своего стула, с важностью подал руку каждому из братьев. Его юное, почти мальчишеское лицо выражало самодовольство, а глаза смотрели надменно и насмешливо, что никак не вязалось с дряблым, совсем не мужским рукопожатием.

Начался самый банальный разговор только что познакомившихся людей, из тех, о которых потом и вспомнить нечего – о погоде, об общих знакомых, о давешнем благотворительном обеде городского головы, устроенном для сбора пожертвований на борьбу с холерой...

– Господа, не желаете ли чаю? У нас тут сласти,

угощайтесь. А может быть... может быть шампанского, прямо из ледника, такая красота по нынешней жаре! – Александра Егоровна взяла холёной ручкой серебряный колокольчик на крошечном подносе и начала звонить.

– Шампанское в полдень – это несколько по-гусарски, – усмехнулся Сергей. – Но поскольку повод имеется, то почему бы нет?

Алексея несколько смутила перспектива пить шампанское с малознакомыми людьми. Обычно шампанским отмечали достижение договорённостей в важных делах, распитие его следовало за деловой частью беседы, а не предшествовало ей. Поэтому он проговорил:

– Может быть, мы поговорим сначала об интересующем вас предмете? Мне Сергей рассказал в общих чертах...

– Да-да, конечно, – согласилась хозяйка. – Прошу в кабинет, там вполне удобно.

На террасе появилась девушка в глухом тёмном платье и белом фартуке. Хозяйка дома повернулась к ней и с неожиданным раздражением проговорила:

– Где тебя черти носят, Палашка! Пару шампанского в кабинет. Скажи Тимофею, чтоб самое холодное выбрал. Да живее поворачивайтесь, а то, как мухи полудохлые ходите, дар-р-моеды!

«Э-ге, а барышня-то с характером», – не без удивления отметил про себя Алексей.

Через открытые двери хозяйка повела гостей анфиладой полутемных комнат в кабинет. Традиция многих поколений южан – в дневные часы держать деревянные ставни на окнах закрытыми. Таким образом, в комнатах – приятная прохлада, а снаружи дома – горячий, раскаленный воздух. Но в кабинете, против ожидания, было светло, ставни за окнами оказались открыты. Окна выходили на запад, и солнце ещё не успело накаливать воздух в кабинете. Интерьер был строг, если не сказать аскетичен, и этим заметно контрастировал с другими комнатами. Выбеленные мелом стены, простые книжные шкафы, большой дубовый неполированный стол, старое кресло с деревянными подлокотниками и протертым кожаным сиденьем, а вдоль стен – выдавшие виды деревянные стулья.

– Простите, Алексей Иванович, а можно ли узнать, где именно вы служите? – поинтересовалась Александра Егоровна после того, как все расселись.

– Я служу юридическим консультантом в «Обществе взаимного поземельного кредита», иногда ещё называемом Дворянским, хотя последнее наименование неофициально, – ответил Алексей. – Землевладельцы, испытывающие затруднения с деньгами, либо желающие их привлечь без продажи недвижимости, закладывают у нас свои поместья. На руки они получают сорок процентов оценочной стоимости.

– Сколько сделок проходит за год? – поинтересовался Сергей, поддерживая разговор. – Каков осреднённый размер одной сделки?

– Обычно в год проходит от пяти до шести тысяч залоговых сделок. Половина из них касается залога имений стоимостью двадцать и более тысяч рублей. Устав «Общества» не позволяет выдавать залоги менее одной тысячи рублей, так что, как видите сами, клиент у нас

крупный, обороты большие. Примерно пять процентов сделок проходит с именными стоимостью более ста тысяч...

Принесли две запотевшие бутылки шампанского в ведёрке со льдом. Сергей принялся их откупоривать.

– Скажите, Алексей Иванович, а отказы от обратного выкупа случаются? – спросила Александра Егоровна.

– Сплошь да рядом. Если говорить начистоту, то «Общество» было задумано правительством после реформы 1861 года с единственной целью – предотвратить массовые банкротства помещичьих хозяйств, которые не смогут или не захотят найти для себя экономическую нишу в изменившихся условиях. На определённом этапе «Общество» сыграло важную роль, погасив недовольство значительной части дворянства. Да только что толку? Если какой-нибудь граф Барцевский-Лысый жил трутнем всю жизнь, так он и после получения ссуды трутнем быть не перестанет. Значительная часть выданных «Обществом» ссуд была вывезена в казино Висбадена, Ниццы и Гамбурга и там благополучно проиграна. Так что не ошибусь, если скажу, что более половины заложенных имений к хозяевам своим более не возвращаются. Вы, очевидно, желаете приобрести участок?

– Да, большой участок. Самый большой, – подчеркнула женщина. – И желательно не здесь, не в наших краях.

Сергей меж тем разлил по фужерам шампанское, и Алексей предложил тост:

– За успех в делах, Александра Егоровна!

– И в каком же краю вы хотите купить землю? – любопытствовал Сергей.

– Ну... средняя полоса, Поволжье. Может, даже Новгородская или Псковская губернии. Главное, чтоб участок большой, и сделать все быстро. Ну и, разумеется, надёжно.

– На продажу выставляют порой очень большие имения, и стоимость таких сделок, как вы понимаете, иной раз бывает очень велика – от ста тысяч рублей до полумиллиона и даже больше, – осторожно пояснил Алексей Иванович. – На стоимость влияет большое количество нюансов: размер участка, близость железных дорог, степень окультуренности, наличие леса, водоёмов, территорий, не пригодных к сельскохозяйственному использованию...

Женщина перебила Алексея:

– Ну что ж, это мне подходит. Главное, чтобы сделка не растянулась на долгие месяцы.

Алексей еле удержал себя от того, чтобы не съязвить: «Что именно вам подходит?», ведь она не дала ему договорить. Возникла пауза, которой удачно воспользовался Сергей:

– Я должен ехать, уже половина первого, бегу-бегу-бегу, и не пытайтесь меня удерживать! Александра Егоровна, благодарен вам за шампанское, его поток вдохнул в меня жизнь и вернул силы.

Он вскочил со стула, галантно раскланялся и был таков. Алексей всегда поражался искусству брата – такого, на первый взгляд, здорового медведя – всё делать с чрезвычайной быстротой и нигде подолгу не задерживаться. Вот уж непоседа, так непоседа, не зря матушка говорила про него: с шилом родился.

– Иногда случаются срочные продажи, – вернулся к разговору Алексей. – Но в таких случаях может возникнуть необходимость предъявить к оплате всю сумму за очень короткий срок, скажем всего две недели.

– О, это совсем не проблема, – не смутилась Александра Егоровна. – Я вполне располагаю средствами, так что в любой момент требуемая сумма будет предоставлена.

– Позвольте любопытствовать, Александра Егоровна, а для какой цели вы хотите приобрести землю? Поясню свой вопрос. Дело в том, что в зависимости оттого, что вы намерены с купленной землёй делать, и нужно будет подбирать варианты. Хотите ли вы разводить осётра – тогда нужны участки с прудами; если вы планируете ставить сыроварню, тогда вам потребуются заливные луга и пастбища; если лес валить – то нужен, понятное дело, лес, а если,

скажем, конеферму, то лес совсем даже не нужен. Это первое. И второе: как специалист, я советую вам не покупать большой участок, а купить два или три маленьких, можно рядом, можно врозь. Это будет гораздо выгоднее по деньгам и быстрее в оформлении. Дело в том, что при оформлении таких сделок задействуется множество специалистов – землемеры, оценщики, топографы, как правило, производится новая кадастровая съемка, опять же, юристы, такие как я. И с маленькими участками все эти процедуры совершаются быстрее и проще.

– Отчего же быстрее?

– К ним меньше внимания, менее вопросов. Да и участки, скажем так, «вкуснее». Ну, стоит на продажу какой-нибудь ломоть оренбургской степи в двадцать тысяч десятин, ну кому и на что он нужен? Кобыл пасти, да кумыс гнать? А что с этим кумысом делать? До ближайшей железной дороги двести вёрст...

– Но вы мне можете помочь?

– В чём?

– Ну-у, провести сделку. Чтобы оценщик цену не задирает, чтоб конкуренты не перехватили... Чтобы всё хорошо прошло и быстро. Назовите свой процент.

– Александра Егоровна, уважаемая, не спешите вы с обсуждением процента. Я пока ещё не понимаю толком, чем могу быть вам полезен... А вы уже спешите цифры обсуждать. Сделки с землёй суесть не любят. Вы мне всё-таки объясните, что вы хотите получить, – Шумилов разговаривал с Максименко так, словно перед ним был маленький ребёнок. – Вас интересует сельскохозяйственное производство? Или вы хотите развивать какой-то промысел? Или вы просто намерены вложить деньги в надежде на последующий рост купленного надела?

Александра Егоровна как-то замялась, посмотрела на Алексея Ивановича пустыми глазами. В эту секунду вид у неё сделался преглупым. «Хм, – подумал озадаченно Алексей Иванович, – что-то не похожа госпожа Максименко на человека, который знает, что делает».

– Ну-у, я пока еще не знаю, что хочу устроить на новом участке. Это потом будет видно. Сейчас главное – купить. И всё-таки, мне кажется, большой лучше. Это как один большой дом лучше, нежели пять комнат в разных домах, – засмеялась она своему удачному, как ей показалось, сравнению. – И потом, хочу вам признаться, я не планирую там жить. Я вообще хочу поехать за границу, посмотреть мир. Вот изучаю немецкий язык и латынь, хочу читать в подлиннике Гомера и Сенеку.

Она взяла со стола весьма внушительную книгу и показала ее Шумилову. «Илиада» – прочитал на корешке обложки Алексей Иванович. От него не укрылось, что книга была совсем новенький, с незамятыми углами корешка и неразрезанными страницами.

«Странный способ читать, не разрезая страниц, – подумал не без сарказма Шумилов. – Да и вообще как-то не верится, что такая барынька может любить книгу, интересоваться Сенекой. Французские романы – куда ни шло. Тоненькие, с крупным шрифтом и большими картинками. Но Сенека – эвона хватила!»

Эта привычка подвергать каждое услышанное слово анализу, как бы препарировав его и сопоставляя с внешними проявлениями человека, привычка, выработанная профессией сыщика, давала о себе знать постоянно даже тогда, когда для этого вроде бы не было никакого повода. Ну, казалось бы, чего уж проще – ты на отдыхе, в компании весьма симпатичной и богатей молодой дамы, пьёшь холодное шампанское, ну и отдыхай себе на здоровье, пей дальше! Но нет, не получается! глаза и уши безо всякого осознанного стремления ловят всякие мелкие оговорки и нестыковочки, по сути своей совершенно безобидные. Ну, подумаешь, барышне хочется казаться умнее и глубже, чем она есть на самом деле, покрасоваться многозначительными разговорами о собственном богатстве. Это же так понятно и простительно в её возрасте!

Между тем Александра Егоровна многозначительно продолжала:

– Алексей Иванович, а вы бывали за границей? В Германии, например? Я слышала, что в тамошних университетах женщинам разрешено быть вольнослушателями.

– Нет, не бывал. А вы что же, хотите учиться в Германии? – Шумилов постарался скрыть своё недоверие, если не сказать – ироничный скептицизм. Хотя тон его был участлив, Алексей испугался, что собеседница почувствует фальшь. Но ничего подобного не случилось. Александра Егоровна приняла интерес Шумилова за чистую монету и пустилась в подробные пояснения о том, как она уважает немецкую нацию за порядок и аккуратность, как она ценит немецких философов, о том, что германские университеты куда как лучше наших, и прочее, и прочее в том же духе. Алексей Иванович делал вид, будто внимательно слушает, редко вставляя короткие реплики, и не мог отделаться от очень странного ощущения, что всё в этой купеческой дамочке как-то не вяжется одно к другому. Этой молодой женщине совершенно не пристало рассуждать о таких скучных предметах, как университеты, наука, философия, всё её природное естество говорило о жизни плоти, об удовольствиях тела. «Словно чужие слова повторяет», – думал Шумилов.

Прервав, наконец, свои разглагольствования, будто выдохшись, Александра Егоровна снова вернулась к теме покупки земли.

– Алексей Иванович, вы уж помогите мне, будьте советчиком и помощником в этом деле, – попросила она. – Направьте, предостерегите, где потребуется.

– Ну, что ж, я могу попробовать подобрать вам варианты. На какую сумму покупки вы ориентируетесь и как скоро вы хотели бы совершить эту сделку?

– Как можно скорее, Алексей Иванович. А сумма... ну, скажем, полмиллиона – три четверти миллиона – это легко. Если что-то действительно стоящее, то и миллион без рассуждений.

Шумилов только крикнул. Таких дельцов он ещё на своём веку не встречал: «Полмиллиона легко, а если что-то стоящее, то и миллион без рассуждений». У этой дамочки алмазные копи, что ли? Или просто с головой непорядок?

– Вы уж постарайтесь, голубчик, – продолжала ворковать Максименко. – Я буду ждать.

С этими словами она заглянула в глаза Шумилову, и он отметил про себя, что её взгляд сделался каким-то... говорящим. Отчего бы это? «Эвона что, неужели дамочка обещает мне интрижку? – не без сарказма подумал Алексей. – Интересно только, ею движет необходимость совершить сделку или сама сделка – предлог для любимого дела?»

Они вернулись на террасу, где стало уже заметно жарче. Пирамидальный тополь, росший подле, отбрасывал приятную тень, загораживая поднявшееся высоко солнце. Потекла неспешная общая беседа на нейтральные темы. Александра Егоровна и Софья Карловна наперебой расспрашивали, как ему, столичному жителю, показался Ростов. Аристарх же был малоразговорчив, в нём чувствовалось какое-то отчуждение, которое Шумилов не мог объяснить. Говорил Аристарх с небольшим немецким акцентом, впрочем, не портившим его речь. Но дамы очень оживились, особенно Александра Егоровна. Давешняя ее строгая учёность куда-то подевалась, и Алексею Ивановичу предстала вполне земная хохотушка, всякий раз задорно вскидывавшая при смехе голову и открывавшая в улыбке ряд мелких молочно-белых зубов.

На прощание Александра Егоровна проговорила:

– Алексей Иванович, мы завтра небольшим кружком едем на пикник на острова, есть у нас тут излюбленные местечки. Думаю, будет весело. Присоединяйтесь и вы с Сергеем Ивановичем. Сбор в восемь часов утра на Владимирской пристани, по холодку поедем. Катер «Елена», его вы узнаете легко, он там самый красивый. Придёте?

– Почту за честь. Брат, надеюсь, тоже сможет присоединиться, – и, щёлкнув каблуками на манер военнослужащего, уточнил: – Форма одежды парадно-выходная?

– Свободная. И желателен купальный костюм! Вечером в ожидании ужина Алексей отправился искупаться. Вода в Дону была тёплая, словно парное молоко. Ветер стих, и каждая веточка прибрежных кустов отчетливо прорисовывалась в недвижном воздухе, словно на японской гравюре. Речная вода, обволакивая разгорячённое тело, дарила ощущение неги и покоя.

На маленькой полянке у самой воды показалась фигура Сергея. Бросившись в воду, он поплыл крупными саженками, отфыркиваясь и мощно рассекая воду. «Фыркает, точно лошадь, – отметил Алексей. – Чай на конюшне научился».

Обсыхая на берегу, братья неспешно вели беседу.

– Ну, как тебе вдовушка? Договорились о чём-нибудь? – полюбопытствовал Сергей.

– Вдовушка как вдовушка, – равнодушно ответил Алексей, продолжая с Сергеем их давнюю игру: старший брат постоянно «сватал» младшему ту или иную барышню, расхваливая её разнообразные достоинства, а младший проявлял разумную сдержанность и выискивал недостатки. Повисла пауза.

Разогрев любопытство брата до нужного градуса, Алексей продолжил:

– Она действительно недурна собой, как ты говоришь, свежа и молода. Да только знаешь, есть моменты, которые привели меня в недоумение.

– Ну, и что же тебя беспокоит?

– Видишь ли, Серёжа, земля обычно покупается под конкретное производство. Эта же барыня ничего вразумительного на сей счет не сказала. Либо не захотела. Но тогда возникает вопрос: если нет четкой идеи, на что употребить землю, то какую цель преследует сделка? Возникает и другой вопрос, куда более неприятный: уж не собирается ли эта дамочка использовать меня «втёмную»?

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял Сергей.

– А вот что: я сейчас помогу ей в сделке, она купит по низкой цене – за половину реальной стоимости, или за две трети – «вкусный» участок, нарежет его ломтями и через полгода выставит на продажу по кускам. Мелкие наделы реализовать гораздо проще и осуществить подобную махинацию особого труда не составит. Получится очевидная для всех спекулятивная сделка. Поверь мне, найдутся желающие поинтересоваться тем, кто запродавал милой вдовушке хороший надел за символическую цену. Начнётся расследование, которое, как ты понимаешь, мне совершенно ни к чему.

– А может, она просто хочет вложить свободные средства? Разве это такое уж редкое явление?

– Нет, конечно же нередкое, богатых людей у нас

просто пропасть. Но... и тут опять-таки есть настораживающий момент. То, что средства у неё есть... Вернее, она создаёт видимость, что есть... Я уже понял: по её словам, даже сделка в три четверти миллиона не будет затруднительна. Но сама Александра Максименко таких денег нажить не могла: во-первых, подобные состояния не делаются в одночасье, а во-вторых, она лично делами не занимается – это для меня очевидно. Человек, делающий деньги, не пройдёт мимо возможности не переплачивать лишнего, а она совершенно не отреагировала на моё предложение сэкономить на покупке нескольких небольших участков.

Вообще, у меня рождается неприятное чувство, что Александра Максименко просто-напросто подставная фигура, за которой стоит настоящий хозяин капитала. А из этого следуют новые неприятные вопросы:

почему он не хочет себя афишировать? Если ему есть что скрывать, то что именно?

– Эко ты раскладываешь... – Сергей задумался. – И что же ты намерен предпринять? Неужели откажешься? Ведь деньги сами в руки идут... очень большие деньги!

– Прежде чем на что-то решиться, полагаю, следует узнать всё, что возможно об этой Александре Егоровне и её состоянии. Насколько там всё законно и платёжеспособно. Ты пойми меня – я не хочу осложнений, которые начнут открываться тогда, когда отступать станет поздно. Кстати, возможность познакомиться с Александрой Егоровной поближе подворачивается буквально завтра. Мы с тобой приглашены на пикник «в тесном кругу», как она выразилась. У тебя день свободен? Выезжать надо рано утром.

– Пожалуй, да, поехать смогу. Я планировал побывать на конеферме в Ольгинской, но это подождёт день-другой.

– Итак, едем, – решил Алексей.

2

«Елена» оказалась симпатичным прогулочным паровым катером, пришвартованным по соседству с большим пассажирским пароходом, в тот момент отдыхавшим между рейсами. Как и следовало ожидать, катер оказался весьма наряден. Он блистал свеженькой краской, и всё на нем было новенькое и чистенькое: лакированные перила, свежий палубный настил, блестящие стёкла рубки. Капитан, пышноусый румяный мужчина в безукоризненном белом кителе, стоял на пристани у трапа и приветствовал гостей. На корме Алексей Иванович заметил человек шесть-семь модно одетых мужчин и женщин, среди них оказалась и Александра Егоровна. В кисейном кремового цвета платье, изящной широкополой соломенной шляпке, она опиралась обеими руками на весьма милый кружевной зонтик от солнца. Увидев подъехавших на извозчике братьев, она подняла согнутую в локте руку и, легко перебирая пальчиками в высокой, до локтя, перчатке, приветствовала их.

Она широко улыбалась, и было в этой улыбке что-то такое своё, дружеское, что сразу ставило братьев Шумиловых в ряд самых желанных гостей.

Шумиловы поднялись на борт, занесли корзинки. В одной находилась полудюжина белого французского «Барона д'Эля», в другой фрукты. Подождав ещё с четверть часа опоздавших, приехавших на двух извозчиках, решили пуститься в путь.

Пышноусый капитан, взяв под козырек, обратился к Александре Егоровне:

– Все лица, согласно вашей росписи, находятся на борту. Прикажете отчаливать, матушка Александра Егоровна?

– Да, голубчик. Отчаливай уж. Катер принадлежал Александре Максименко, а вовсе не был нанят ею для прогулки, как подумал вначале Алексей.

«Тесная компания» оказалась не такой уж и тесной. С десятков человек гостей составляли этот ближний круг – брат и сестра Резнелъд, пара-тройка молодых купчиков, одетых с иголочки, молчаливый и незаметный служащий ростовского отделения Государственного банка. Присутствовали также два чиновника местного градоначальства. Их жены уселись на складные стульчики подле хозяйки и без умолку трещали о бесконечных своих женских проблемах – от закройки воланов на платье до рецептов цукатов.

Оказался в этой разношёрстной компании и чиновник местного представительства Министерства иностранных дел. Поговорив с ним немного, Шумилов узнал, что Александра Егоровна пригласила на

пикник и турецкого вице-консула, да тот в последний момент отказался, сославшись на занятость. Наконец, известное разнообразие вносили трое старших офицеров местного гарнизона, усердно налегавшие на пиво и изрядно нагрузившиеся уже к моменту высадки всей компании в намеченном месте.

Им стал большой живописный участок пляжа на низком берегу Дона с крупным, оранжевого цвета песком. По обе стороны от него – склонившиеся к воде ивы, а среди них полянка с громадным поваленным стволом без коры и веток в качестве природной скамьи. Всё здесь словно специально было предназначено для отдыха на природе. Противоположный берег, обрывавшийся к воде пятисаженной стеной светлого песчаника, источённого многовековой эрозией, тоже был очень живописен. К тому моменту, когда разыгравшийся на свежем воздухе аппетит гостей стал давать о себе знать, был уже готов шашлык из молодого барашка и множество закусок на громадном импровизированном столе, устроенном на белоснежной скатерти прямо в траве. Чего тут только не было! Стол ломился от маринованных рыжиков и шампиньонов, мочёных яблок, разнообразных паштетов, белужьей икры, глазированных фруктов. Но царицей стола оказалась, несомненно, довольно большая – более аршина – тушка копчёной стерляди, помещённая на серебряном блюде и представшая во всей своей плотоядной красе.

Довершила всё это раблезианское великолепие сервировка прекрасным богемским стеклом и тонким саксонским фарфором.

На протяжении обеда Александра Егоровна, занявшая место vis-a-vis от Алексея Ивановича, много смеялась, глядя на него своими прозрачными глазами и словно поддразнивая, вовлекала в общую беседу. Алексею приходилось высказываться там, где он предпочел бы промолчать, наблюдая других. После шампанского, заметно охмелев от спиртного и свежего воздуха, все начали говорить разом, перебивая Друг Друга. Наступило то особенное состояние расслабленного благорасположения всех ко всем, которое так характерно для отдыха в большой дружной компании.

– А я, господа, всё-таки утверждаю, что человек не в силах бороться с высшими силами, – возвысил голос артиллерийский полковник, заглушая прочие разговоры. – Не буду вдаваться в природу этих сил – божественная ли она или дьявольская – безотносительно! Мы тут, пока плыли, поспорили с Михаилом Ивановичем... Возможно, кто-то ещё захочет высказаться на эту тему... Я утверждаю, что человеку не дано ни познать эти силы, ни управлять ими. Единственное, что он может – задобрить их молитвой, как это делают церкви всех конфессий, либо попытаться вступить с ними в осмысленный контакт...

– Вы, Антон Дмитриевич, говорите о спиритизме? – уточнил отмалчивавшийся до того банкир.

– Вот именно, вот именно! Поразительные, я вам доложу, вещи происходят на спиритических сеансах! Я присутствовал на одном таком в Москве зимой одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. И могу вам сказать, что, будучи человеком отнюдь не робкого десятка, я всё же пережил несколько очень волнительных моментов. Кровь в жилах стыла от этой чертовщины, честное слово!

– Вы никогда не рассказывали, пожалуйста, поделитесь, – послышались голоса дам.

Все притихли, давая полковнику собраться с мыслями. По всему чувствовалось, что присутствующие его уважают и, когда он заговорил, Алексей понял, отчего – рассказчиком полковник оказался отличным.

– В феврале восемьдесят седьмого, перед своим назначением в Ростов, я проживал в Москве. Ко мне обратился двоюродный брат с предложением посетить кружок, занимавшийся столоверчением. Я человек глубоко православный, консервативный и ко всем таким иностранным веяниям испытываю глубоко скептическое отношение. Но брат пристал ко мне, пошли, дескать, да пошли, я должен тебя привести. Оказалось, что на предыдущем сеансе столоверчения, участником которого оказался брат, вызванный дух приказал ему привести меня. Вот так, значит... – Полковник многозначительно помолчал, интригуя слушателей. – Сеанс проходил так: глубокая ночь, тёмная комната, все присутствующие – а было нас шестеро – усадились за круглым столом, взявшись за руки. Полная тишина, глаза у всех закрыты.

Но должен признаться, я глаз не закрывал. Ещё перед началом сеанса решили вызывать дух императора Павла Петровича.

– А почему именно его? – не удержался от вопроса банковский служащий. Алексей и сам хотел спросить о том же.

– Можно было бы, конечно, и кого-то более близкого, например, недавно умершего родственника, но император Павел Петрович был выбран из соображений известности всем присутствующим. Главное – войти с духом в контакт, вызвать его из потустороннего мира. А потом можно задавать разного свойства вопросы.

– И что же? Вы говорите... не томите... – подала голос Александра Максименко.

– Как мне объяснили перед сеансом, на развёрнутые ответы не следовало рассчитывать, поскольку дух отвечал стуками: один удар означал «да», два, соответственно, «нет». Вопросы надо было уметь правильно сформулировать, дабы они имели однозначный ответ, – полковник усмехнулся.

– И что же, Антон Дмитриевич, получилось у вас тогда войти в контакт с духом покойного императора? – аппетитно пережевывая сочную, со слезой, ветчину, поинтересовался щеголеватый купчик.

– Представьте себе... Поначалу в комнате поднялся ветер... Самый настоящий, не сквозняк какой-то... звуки странные, точно птицы вокруг летают и крыльями бьют. Честно скажу, очень это было неприятно слушать. В иные мгновения казалось, точно кто-то прикасался к лицу и волосам, но рядом никого не было, я ведь нарочно сидел с открытыми глазами и видел, что все мои спутники остаются на своих местах. Потом слышались детские голоса, но о чём они говорили, разобрать было невозможно, что-то невнятное бормотали. Затем как будто постукивания гуттаперчивым мячиком, тук-тук-тук, а потом мячик вроде как роняют, и он катится по полу... Где-то рядом. Но я же видел, что никакого мячика не было и в помине! Очень не по себе мне стало, признаюсь честно. В конце концов, всё как-то успокоилось, начался контакт, вопросы и ответы. Звуки подавались разные и с разных мест: то где-то рядом, то – вдалеке, иногда они звучали очень громко, а иногда – приглушённо.

– Какие страсти вы рассказываете! – театрально всплеснула руками дама с нелепыми буслями вокруг круглого лица. – Значит, всё, что об этом говорят, правда!

– Истинная правда, Мария Павловна, – кивнул полковник. – Присутствовавшие обращались к медиуму, а она уже формулировала вопросы, обращённые к духу покойного государя. Дошла очередь до меня, я говорю медиуму: желаю знать, для чего мне необходимо было сегодня явиться сюда. Медиум меня перефразировала: «Есть ли известие для господина Мокроусова?» «Да», – отвечает дух... ну, то есть, издаёт один удар. Я тут заволновался по-настоящему. Одно дело, когда это касается посторонних, а когда понимаешь, что услышишь нечто важное, имеющее отношение к тебе лично, то... Невольно начнёшь трепетать. Н-да, так-то, господа! Медиум не остановилась и спрашивает далее: «Известие касается карьеры господина Мокроусова?» «Нет». «Здоровья?» «Нет». «Известие касается близких людей господина Мокроусова?» Тут дух издаёт один удар. Ну, медиум уточняет далее: «Известие касается супруги господина Мокроусова?» «Нет». «Его детей?» «Да». Ну, вот в такой манере, перебирая все варианты, медиум расспрашивала дух.

– И вы можете нам повторить, что же именно дух сообщил вам касательно детей? – спросила Александра Егоровна.

– К этому я и веду, – продолжил полковник. – Дух сообщил, что старшему сыну грозит гибель от книги... да-да, не улыбайтесь. Этого ответа никто не понял. Медиум уж как только ни билась, уточняя услышанное: книга загорится? книга упадёт? книгой его ударят? Одни отрицательные ответы, ничего не понятно. Одно только медиум выяснила – книга окажется в чёрном переплёте и будет похожа на медицинский справочник. Вот, значит, дух хотел, чтобы я это узнал. Вышел я с этого спиритического сеанса совершенно не в себе, душа не на месте, по сердцу точно серпом резанули. Промаялся день-два-три, думаю, поеду к старшему, всё равно в Петербург надо заезжать, а он у меня в Академии Генштаба тогда учился. Приехал я в столицу, как сейчас помню, третьего марта, сразу с Николаевского вокзала напрямик к сыну на Измайловский. Он меня встречает живой и здоровый...

– То есть, господа спириты наврали? – уточнил один из купцов, но Александра Максименко на него цыкнула:

– Тихо, Матвей, не перебивай!

– Разговорился я с сыном, рассказал про посещение спиритического сеанса. А он мне в ответ рассказывает следующее: первого марта стал он свидетелем некрасивого инцидента. Извозчик, небрежно управляя возком, наехал на женщину. Так, ничего серьёзного, женщина не пострадала, но извозчик её по матери обругал. Сынок мой – мужчина горячий и справедливый, не стерпел и сделал хаму замечание. Тот что-то ему ответил. Сынок мой стащил извозчика на тротуар и хорошенько навернул ему в ухо, так, сугубо для порядка... Тот драться поосте-

рёгся, – шутка ли, офицера ударить... Но скандал возник, свисток, квартальный, зеваки, всё, как полагается. Доставили их с извозчиком и потерпевшей дамочкой на Гороховую, в полицейское управление, благо это совсем рядом было. Пока суд да дело, пока разбирались с дежурным, появляется в здании группа людей в штатском, с дюжину человек, а может, и поболее. У двоих руки связаны ремнями за спинами. Проходят в фойе, к лестнице, мимо сына, и вдруг какой-то молодой человек из числа вошедших с силой бросает на пол книгу, которую до того нёс в руках. Все на секунду застыли от неожиданности. Книга отлетела сыну под ноги, он наклонился, поднял её и протянул кинувшему. И тут им наперерез кинулся какой-то человек в штатском, перехватил книгу и бегом с нею умчался наверх по лестнице. А через десять минут к сыну подошёл какой-то полицейский в штатском и говорит: «Считайте, штабс-капитан, что сегодня второй раз родились. В книге, брошенной вам под ноги террористом-революционером, находился мощный взрывной заряд. Он чудом не сработал!» Оказалось, что доставленные в полицейское управление люди были те самые заговорщики, что готовили знаменитое «Второе Первое марта». Их задержали прямо на Невском проспекте и оттуда повезли на допрос. У двоих были бомбы под пальто, и их сразу же отняли, а на книгу, в которой находился третий метательный заряд, полицейские внимания не обратили.

– Да разве может такое быть? – подивился Сергей Шумилов. – Что ж, их толком не обыскали при аресте?

– Так всё и было, братец, – заметил Алексей. – Один из бомбистов действительно держал в руках бомбу, замаскированную под книгу. Он бросил её на пол уже в здании на Гороховой, рассчитывая погубить как можно больше полицейских. Звали этого террориста, если мне память не изменяет, Василий Осипанов.

Обстоятельный рассказ полковника произвёл на присутствующих сильное впечатление. Повисла пауза, которую неожиданно нарушила Софья, сестра Аристарха Резнелда:

– А вот у нашей Александры Егоровны, господа, были часы, весьма необыкновенные часы.

Но Максименко её перебила:

– Ах, Софочка, погоди, при чём тут часы! А вы, Алексей Иванович, что скажете о спиритах? Вы же только что из самого Петербурга, там сейчас, говорят, сие развлечение широко распространено. Вы бывали на спиритических сеансах?

– Да, интересно узнать ваше на сей счет мнение, – подхватил банкир.

– Я, видите ли, господа, человек практический. Сам спиритизмом не занимаюсь и людей, которые им занимаются, сторонюсь. И всем советую, – спокойно, с оттенком равнодушия отозвался Алексей.

– Что же в нем плохого? Или вы тоже, как и наши попы, почитаете его опасным для жизни вечной? – произнес с насмешкой банкир.

– На ваш вопрос можно ответить по-разному. Я же отвечу коротко: полагаю, что спиритизм – обман и надувательство легковёрной публики.

Ответ прозвучал довольно резко и категорично, но поскольку сказано это было со спокойной уверенностью и безо всякой тени сомнения, то заподозрить Шумилова-младшего в намеренной дерзости или в петушином желании побороться с несогласными было невозможно.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Почему вы так считаете? – наконец поинтересовалась Александра Максименко. – Ведь никто, кажется, этого не доказал...

– Доказал, уважаемая Александра Егоровна, именно доказал. Мне довелось прослушать публичные лекции о спиритизме и оккультизме, которые читал в 1875 году Дмитрий Иванович Менделеев. Он поведал нам о выводах специальной комиссии. Комиссия эта была создана по его же предложению для изучения явлений, сопровождающих спиритические сеансы. В состав комиссии входили наши выдающиеся профессора, специалисты в разных областях

физики. Среди ее членов был даже председатель Русского физического общества профессор университета Петрушевский. Люди, как вы сами изволите знать, очень авторитетные. Так вот, выводы этой комиссии оказались по сути своей разгромными для спиритов. Кстати говоря, англичанка Кляйер, знаменитый медиум, отказалась от участия в эксперименте. Ей было предложено провести сеанс под наблюдением приборов, сидя за самым обычным столом, а не тем специальным, что она привезла с собою из Англии. Комментарии, полагаю, излишни. Конечно, сторонники спиритизма не сдавались. В попытке доказать объективность существования потустороннего воздействия Аксаков, видный наш спирит, за свой счёт отправился в Англию и привез оттуда известных медиумов братьев Петти. Для всех, кто не знает, поясню: братья доказывали свои медиумические способности тем, что как бы «из ничего» получали капли жидкости и, находясь в запертой клетке или за занавеской, вызывали звук далеко поставленного колокольчика. Комиссия Менделеева внимательно изучила их проделки. В шести проведенных опытах выяснилось, что капли жидкости – это тривиальная слюна. Когда лица шарлатанов закрывали или завязывали им рты, то никаких капель «из пустоты» не появлялось. А с колокольчиком, который самопроизвольно, якобы под воздействием духа, звонит, вышел вообще конфуз. Когда Менделеев неожиданно во время сеанса зажег спичку, обнаружилась тонкая нить, протянутая от медиума к колокольчику. Так что всё это шарлатанство, трюкачество.

– Вы считаете, что любому явлению можно найти научное объяснение? – спросил Аристарх Карлович насмешливо.

– Я православный человек, верую в Троицу и полагаю, что Божественная природа непознаваема. Вместе с тем, я считаю, мир вокруг нас поддается познанию...

– Экий дуализм, – усмехнулся Аристарх Карлович. – Как такое может быть? Вы не чувствуете противоречия в своих словах?

– На этой точке зрения стоят многие учёные, тот же самый Менделеев, кстати. Противоречия в этом я не вижу, – не поддержал насмешливого тона Алексей Иванович.

Разговор явно заинтересовал компанию. Никто уже не ел и не пил, все следили за рассуждениями Алексея Шумилова.

– Я вам напомним историю возникновения спиритизма, – неожиданно подал голос молчавший до того чиновник из представительства МИДа. – Разного рода необъяснимые стуки и перемещения предметов в домах известны людям с давних времён. В Европе такие явления назывались «полтергейстом». Но идея о возможности общения с источником загадочных стуков возникла сравнительно недавно и, в общем-то, случайно. Первой обратила внимание на то, что «стучащий дух» реагирует на обращённые к нему вопросы, девятилетняя девочка Кейт Фоке из городка Гайдсвилл в Северо-Американских Соединённых Штатах в ночь на первое апреля 1848 года.

– Я знаю эту историю, – заметил кратко Алексей.

Однако остальная публика явно хотела дослушать чиновника, и тот продолжил рассказ:

– Фактически, Кейт Фоке сделалась первым медиумом. За её длительным общением с духом следили сначала члены семьи, а затем посторонние наблюдатели, число которых увеличивалось с каждым днём. Девочка выяснила, что общающийся с нею дух принадлежит человеку, убитому в том доме, где всё это происходило, и похороненному в подвале этого дома. Дух назвал девочке дату убийства и указал место, где именно следует копать, чтобы найти труп. Раскопки были произведены, и человеческие останки действительно находились там, где указал дух.

– Череп, – поправил Шумилов. – Нашли только череп. И кстати, ни у кого не повернулся язык потребовать суда над человеком, который, якобы, совершил убийство. А он, узнав о происхождении, сам приехал в Гайдсвилл и заявил, что готов предстать перед судом.

– Да, это так, – согласился чиновник. – Но полагаю, вы не станете отрицать необычность и доказательную силу этого случая.

– Не стану. События весны 1848 года в Гайдсвилле разворачивались на глазах большого количества людей и действительно выглядели весьма достоверно хотя, насколько мне известно, никто не пытался исследовать их критично. Полагаю, вы прекрасно знакомы с понятием «верификация документов» и согласитесь, что газетные репортажи – при всей их занимательности – не могут рассматриваться как абсолютно надёжный источник знания. В лучшем случае – правдоподобный источник, достоверный, заслуживающий внимания. Иначе на основании газетных очерков можно было бы выносить судебные вердикты. Я повторю уже сказанное мною: я разделяю веру в чудесное. Но, признавая чудеса, так сказать, со знаком «плюс», являющиеся следствием Божественного вмешательства в наш мир, точно также нельзя исключить и бесовских проявлений, так сказать, «чудес со знаком минус». То есть, сверхъестественных явлений бесовской природы. И кстати, именно так трактуется спиритизм православием.

– А что бы вы сказали о тех часах, помнишь, Александра, которые привезли тебе из Швейцарии? – с воодушевлением обратилась к Максименко Софья. Видимо, часы, о которых она вторично порывалась рассказать, не давали ей покоя.

– Ах, оставь, Сонечка, – поморщившись, отмахнулась Александра Егоровна. – Ну, кому интересны эти часы?

– Нет, ну почему же, расскажите, нам интересно, – вмешался один из чиновников градоначальства.

– Да часы у Александры Егоровны были необыкновенные, – бойко заговорила Софья Карловна, упиваясь устремлёнными на неё взглядами всех присутствующих. – С виду часы как часы. Небольшие, настольные, с двумя перекрещенными пиками на верхушке, с золочёным циферблатом. А если руку поднесешь к ним, они вдруг начинали идти в обратную сторону, против часовой стрелки.

– Да что вы говорите?! – изумился один из купчиков. – Как это? Отсчитывали время вспать?!

– Да, именно! Вспать! Вот мне интересно, как вы это объясните? – допытывалась Сонечка, глядя на Алексея. Она была чрезвычайно довольна собою, полагая, что поставила его в тупик.

– Ну, по вашим словам трудно судить, что же там с этими часами... – пожал плечами Алексей. – Возможно, там есть механизм, реагирующий на тепло. Мембрана какая-нибудь тонкая, которая при нагреве изгибается и освобождает пружину, запускающую обратный ход. Я не знаю, как это можно было реализовать технически, я не часовой мастер. Скажите, а если поднести не руку, а, скажем, свечу или зажженную спичку, то же самое происходит?

– Не знаю, я никогда не пробовала, – нехотя отозвалась Александра Егоровна. Было видно, что ей чрезвычайно неприятен этот разговор, только Шумилов не мог понять, почему именно.

– А можно взглянуть на эти часы?

Максименко как-то замялась и без энтузиазма ответила:

– Их уже и нет давно. Разбились.

Тема вдруг оказалась исчерпана и разговор потёк совершенно в другом направлении – заговорили о достоинствах меню разных ресторанов, о всяких заграничных модных развлечениях, о прогулочных полётах на воздушном шаре, популярных во Франции, о беговых лошадях и ипподромах, на которых забеги тоже по странной прихоти происходят против часовой стрелки. После затянувшегося обеда кто-то пошел купаться на песчаный бережок, кто-то принялся играть в кольца. Всем захотелось движения, шума.

Алексей Иванович подспудно обратил внимание на то, что Аристарх чувствует себя не очень уверенно в обществе мужчин. Возможно, из-за молодости лет, ведь ему было всего-то двадцать, или даже того меньше. Ему словно не о чем было с ними разговаривать, да и они не слишком-то выказывали Аристарху своё расположение. Молодой человек держался

всё время рядом с Александрой Максименко. Подушку принести, подать укатившееся кольцо, которое неловкая Александра никак не могла поймать на палку – всегда Аристарх был рядом и всегда готов услужить. А её, казалось, не смущало и нисколько не раздражало его постоянное присутствие рядом. Улучив момент, Алексей оставил шумную компанию и подсел к капитану «Елены», скромно примостившемуся в сторонке от всех, в тени развесистой ивы.

– Часто ли вам приходится вот так выезжать? – поинтересовался Шумилов.

– Вы имеете в виду пикники? – Вид у капитана был расслабленный, умиротворенный. – Да, частенько, особенно когда арбузы начинаются. Барыня наша любительница. И не только на пикники, а ещё и на рыбалку катается, но то уж только со своими, самыми близкими.

– Рыбалка?.. – Алексей никак не ожидал услышать подобное.

– Ну, да... ночная на сома... Э-эх, песня, а не рыбалка! Приходим на острова, потом господа на лодках становятся в заводях. Только надо знать рыбное место, и желательно, чтоб не одиночку, а всю семью сомовью брать, а то барыне неинтересно будет. Да оно и понятно – женщина ведь. А под утро костерок и уха знатная.

– А как же спать?

– Так на катере же две каюты, там вполне удобно.

– И кто же этот самый близкий круг?

– Раньше муж её покойный, Николай Федорович, его сестра с мужем, да еще Панфилов Аркадий Аркадиевич, полицейский. Правда, супруг-то покойный ездил нечасто в последнее время, всё делами занимался... А сейчас вот Резнельды, братец с сестрицей. А мне, знаете ли, такая служба при барыне самая, что ни на есть отрада души. Платят очень хорошо, много лучше, чем раньше, когда я у них простым капитаном ходил по всему Дону, да и занят я куда меньше, чем ранее. А то, бывало, не успеешь прийти, как в новый рейс надо.

– А что вы возили капитаном? – осторожно поинтересовался Алексей.

– Ой, да ведь у Александры Егоровны целая флотилия по Дону ходит. Возят лес, зерно, уголёк для Донбаса, и в Кривой Рог доходят. В Таганроге причал угольный сейчас строится, специально для расширения перевозок. Большое дело, скажу я вам! А уж сколько у них на Волге! Донская флотилия – так, просто мелочь по сравнению с волжской.

– Это что же, у них единая компания на Волге и Дону?

– Да, называется «Волжско-Уральская пароходная компания». «Уральская» – потому что через Каспий в реку Урал ходят. Целая купеческая империя. Да-а... Миллионщики...

– Вы говорите, «миллионщики». Что же, кроме госпожи Максименко, ещё есть владельцы?

– Ну, я таких тонкостей не знаю. Раньше Николай Федорович, покойный муж барынин, делами занимался, а сейчас, знаю, что мамаша её во всё входит. Очень дотошная женщина. Не приведи, Господи, такую тещу.

– Кто такая?

– Варвара Андреевна Протасова.

– А где же она сейчас?

– Да кто ж её знает, они мне не докладывают. Она бывает наездами. У них же, поди, домов по всей Волге, как блох на собаке, в каждом портовом городе,

Из-под тенистой ивы, раскинувшейся за пригорком, раздался звонкий голос Александры Егоровны:

– Господа, все приглашаются отведать арбуза. Господа-а!.. У нас знатные арбузы, а вот этот, взгляните-ка, просто богатырь! Сейчас всё съем сама!

Алексей вернулся к весёлому обществу. Арбузы, действительно, были хороши. Таких сладких и сочных Алексей давно не пробовал. Александра Егоровна успевала разговаривать со всеми сразу и постоянно смеялась, то и дело лукаво поглядывая на Алексея, словно под-

дразнивая его. Но Шумилов-младший только вежливо улыбался и отмалчивался. Ему вполне хватило разговора о спиритах.

Возвращались уже затемно, когда небо стало бархатно-чёрным и чарующе-глубоким с мириадами рассыпанных в бездонной мгле звёзд. По воде побежала лунная дорожка, навевая романтическое настроение. Вся компания собралась на носу, где под две гитары на удивление стройно выводила романсы:

В тот самый миг, когда меня не станет,
Когда исчезну я в далёкой стороне
Моя любимая с другим меня обманет,
Нет! не меня предаст, но память обо мне...

Среди голосов явственно выделялся баритон Сергея Шумилова, при всей своей бандитской наружности имевшего весьма неплохие музыкальные данные. Алексей же в одиночестве сидел на скамеечке на корме катерка, положив локти на перила. Он вдыхал полной грудью этот пьянящий воздух, которого, как прекрасно знал, не бывает в далёком и мрачном Петербурге. День выдался длинным, приятно-утомительным, но оставил какое-то трудно выразимое словами впечатление незавершённости. Обещанное веселье носило ярко выраженный гастрономический характер, отчего во всём теле теперь ощущалось неудовольствие. Новые знакомые много ели и пили, но все они показались Шумилову-младшему людьми малоинтересными, и он не смог бы назвать ни одного человека, с кем из них ему захотелось бы пообщаться ещё раз.

Вглядываясь в тёмные очертания проплывавших мимо берегов, перебирая в памяти лица и разговоры, Алексей пытался разобраться в своих впечатлениях. В конце концов он сформулировал, что же именно не давало ему покоя. Отсутствие ясности. Ему, привыкшему ставить точки над «i», было не по душе то странное положение, в которое он вовлекался помимо своей воли. Дружеское сближение с этой непонятной барыней и её малоинтересными друзьями было чересчур быстрым и совершенно неоправданным. «Или мне только кажется, что госпожа Максименко желает перевести наши отношения из чисто деловых в разряд дружеских?» – раздумывал он.

– О чём задумался, Алёша? – спросил неслышно подошедший Сергей. Сев рядом, он точно так же положил локти на ограждение и стал любоваться окружающим пейзажем. Но мысли его, похоже, были прозаические, он не поддавался очарованию тёплой ночи.

– Да вот, размышляю...

– А ты, похоже, вдовушке приглянулся. О чём это вы с ней шептались, когда она взяла тебя под руку на пути к катеру?

– Будет фантазировать-то! Едва ли парой фраз обменялись. Она спрашивала, что я надумал по поводу ее дела. О покупке земли, разумеется.

– А ты что?

– Я спросил, не изменились ли её намерения. Сказал, что для составления списка участков, способных её заинтересовать, я должен буду выехать на день-два в столицу, и уточнил, готова ли она оплатить мои расходы. А что ещё я мог сказать?

– Ну-ну, давай-давай, куй железо... Во всех смыслах. Видишь, сколько желающих вокруг неё увивается, и, я полагаю, это далеко не все соискатели, – он хохотнул и легонько толкнул брата в бок.

– Скажи, а кто такой этот Аристарх, что все время подушки за ней носит на манер пажа? Я что-то никак не могу взять в толк...

– Как я слышал, друг семьи. Что-то вроде управляющего домом. А заодно и немецкому языку её учит, он же из немцев. А сестрица его – подруга Александры.

– Ну, то, что Резнелды вроде как друзья хозяйки – понятно. Но по своему статусу они ведь совсем ей не ровня.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, посуди сам, Серёжа: Александра и Софья ведут себя как подруги, но одна выглядит как царица, а другая как её служанка, фигурально выражаясь, конечно. Согласись, ни одна женщина, будь у неё средства, не позволит подруге так перещеголять себя в нарядах, у них же дух соперничества заложен как... как... как кукареканье у петуха или бляенье у овцы. Это инстинкт. Какой напрашивается вывод? У Софьи нет средств за душой. А значит, и у Аристарха их нет. Тогда на чём же держится их дружба? И какая это вообще дружба? Непонятно.

– Приживалы не такая уж редкость, – заметил Сергей. – Тебе ли не знать? Всякого рода компаньоны и компаньонки...

Было уж за полночь, когда братья подкатили к дому. Бесшумно отворив запертую на ночь калитку, они

очутились во дворе, где им под ноги кинулся пушистым комочком дворовый пес, так и прозванный Шариком за свою густую шубку и крутые бока. Забившись в истеричном восторге у ног братьев, он, вставая на задние лапы и, тихонько поскуливая, норовил лизнуть хозяевам руки. Проводив их до самой двери, он успокоился и уснул на войлочном коврик у порога. Утром Алексей проспал дольше обычного. Солнце стояло уже высоко, заливая привычным сиянием кроны раскидистых яблонь. Когда Алексей, искупавшись, вышел на тенистую террасу к столу, Сергей в распахнутой косоворотке уже заканчивал завтракать, а матушка листала агрономический журнал.

– А вот и наш спящий красавец, – добродушно поприветствовал его Сергей. – Неужели тебя так убаюкало шампанское с белым? Как спалось, кстати?

– Спалось хорошо, – отозвался Алексей. – Я еду в Петербург.

– Когда? – отложила чтение матушка.

– Сегодня.

– И чего это вдруг? Что за спешка?

– Я ненадолго, обернусь туда и обратно. Серёжа любит учить – поторапливайся, лови момент. Вот я и ловлю. Мне необходимо съездить в столицу, чтобы принять решение, стану ли я заниматься сделкой, о которой меня просит госпожа Максименко.

– А здесь ты этого решения принять не можешь? – Сергей с подозрением воззрился на брата.

– Нет, я хочу потолковать с некоторыми людьми именно в Петербурге.

– Оттуда виднее, что ли?

– Оттуда виднее.

– И когда тебя ждать назад? – спросила матушка.

– Думаю, в дней пять-шесть уложусь. Да не расстраивайтесь, мама, это действительно необходимо. В котором часу курьерский на Петербург?

Сборы не заняли много времени, и через четыре часа Алексей Иванович уже сидел в купе первого класса и смотрел в окно на мелькавшие за стеклом полустанки.

3

Санкт-Петербург окатил Шумилова традиционным летним дождём. Небо было закрыто плотной облачностью, день был тихий, безветренный. Прохожие привычно прятались под зонтиками. Северное лето во всей своей красе! Хотя умытая дождём, глянцево блестящая мощёная мостовая, сочная свежесть листвы и газонов, нарядные, кокетливо одетые дамы весьма выгодно контрастировали с пыльным ростовским пейзажем.

Алексей Иванович окунулся в ставшую привычной в последние годы сдержанно-надменной атмосферу столицы. Он вспомнил шумных донцов. Северного человека неумный темперамент жителей Дона способен замучить. Чего только стоит манера ростовских кумушек обсуждать свои семейные и бытовые вопросы, расположившись на противоположных сторонах улицы, выкрикивая фразы о наваристом борще, об удачной покупке самовара, о соседке-паскуднице, посадившей свой горох прямо на меже. Двоюродная ростовская тётушка, пришедшая посмотреть на Алексея на второй день его приезда к родителям, потом спрашивала с тревогой у матушки: «Уж не болен ли племянник?» – таким он показался ей странно молчаливым и озабоченным.

Оставив в своей холостяцкой квартире саквояж с вещами, помывшись с дороги, переодевшись и наскоро перекусив тем, что смогла собрать на скорую руку госпожа Раухвельд, домовладелица, у которой Шумилов жил и столовался уже одиннадцать лет, он направился к своему хорошему знакомому Петру Семеновичу Смирнитскому, члену Биржевого комитета Санкт-Петербургской товарно-фондовой биржи. Комитет ведал вопросами оперативного управления биржей и являлся аналогом Совета директоров банка. Если кто и мог помочь Шумилову в его деле, так это именно Смирнитский.

Вокруг монументального здания биржи, как, впрочем, и внутри неё, было как всегда оживлённо, шумно. Биржа охранялась как золотые кладовые Государственного банка. Поскольку Шумилов не был записан на приём, швейцару пришлось звонить секретарю Смирнитского и выяснять, пожелает ли Пётр Семёнович принять его. Наконец в сопровождении младшего швейцара Алексей Иванович направился в хорошо знакомый ему кабинет на втором этаже.

Смирнитский заседал среди массивных книжных стеллажей, уставленных томами «Свода законов»... и одинаковыми картонными папками с биржевыми документами разных лет. Кроме них в кабинете находились три письменных стола, заваленные ворохом бумаг и газет различной степени свежести. Шумилов ничуть не удивился, если бы узнал, что среди них лежат номера прошлого года. Повсюду были разбросаны исписанные листы, папки, толстые фолианты с финансовыми сводками, бесконечные таблицы и справки. Одним словом, в кабинете можно было наблюдать весьма достоверную имитацию рабочей обстановки.

– Какими судьбами, Алексей Иванович? – Пётр Семёнович Смирнитский, грузный, не по годам отяжелевший, с рыхлым одутловатым лицом гурмана, вышел из-за стола и протянул Шумилову обе руки. – Давненько, давненько не заглаживал к нам.

В своё время Шумилов очень помог ему в деле, связанном с шантажом Смирнитского бывшей любовницей, так что, несмотря на разницу в общественном положении, отношения их были вполне доверительными и давали повод к фамильярному «ты», не уменьшавшему, однако, взаимного уважения. Кроме того, Пётр Семёнович был всего десятью годами старше Шумилова, так что с полным основанием их можно было считать людьми одного поколения.

– Рад тебя видеть, Пётр Семёнович, – так же радушно откликнулся Алексей. – Боялся, что не застаю тебя. Думал, может, ты в отпуске, на даче или в деревню уехал.

– Какое там, у нас здесь такая круговерть. Новые брокеры к нам просятся, новых эмитентов регистрируем. Застой подходит к концу, Англия оправилась от банкротства «Беринга»,

а американцы заканчивают пересмотр таможенного законодательства. Ждём хорошего роста, вот помяни моё слово! Я своих на дачу в Лесное отправил. Езжу к ним только на выходные, по дочкам соскучился. А ты почему в городе сидишь, наши вонючие каналы нюхаешь?

– Да я, собственно, в отпуске, но занимаюсь тут одним делом. Нужна твоя помощь, Пётр Семёнович, Я имею поручение клиента, пожелавшего вложить свободные средства в пароходную компанию. А если конкретно – в «Волжско-Уральскую». Но я просмотрел котировальные биржевые листы и не обнаружил никакой информации. Хочу узнать, существует ли эта компания вообще или учредители давно разбежались, «распилив» уставные деньги? Можешь справку дать?

– Если акции компании не выставляются на торги, то соответственно, они не котируются и никаких данных о них не может быть в котировальном листе. Давай посмотрим, какие выпуски акций этой компании регистрировались и когда...

Смирнитский подошёл к одному из своих стеллажей, извлёк из него колоссальных размеров гроссбух толщиной, наверно, тысячи в две листов. С грохотом уронив его на стол, он уселся в кресло и раскрыл книгу.

– Та-а-ак, как, говоришь, называется? «Волжско-Уральская...

– ... пароходная компания», – подсказал Шумилов.

– Год основания ты, конечно же, не знаешь, – догадался Смирнитский.

– Да уж откуда...

– И адрес регистрации тоже.

– Эх, знал бы прикуп, жил бы в Ницце.

– Н-да-а... Но в общероссийский реестр их проспект эмиссии акций должен был обязательно попасть, если только эта компания действительно выпускала акции, – Смирнитский задумчиво перелистывал страницы, изредка задерживаясь на чём-то, что привлекало его внимание. – Ну вот, кажется, нашёл!

Он углубился в изучение текста, затем перевернул лист и почитал ещё.

– Что сказать? – он откинулся в кресле. – Хорошая компания, однако. Выпуски акций эмитировались дважды: в 1873 году и в 1882. В первом случае на сумму триста тысяч рублей, а вот во втором – на миллион двести тысяч. Неплохо, а? Компания хорошо выросла за девять лет! Но на биржу акции не выводились и никогда не торговались.

– Распространялись по закрытой подписке, – догадался Шумилов.

– Вот именно, – кивнул Смирнитский. – И мы никак не сможем узнать, среди каких именно лиц.

– Адрес регистрации компании указан?

– Да, сейчас запишу, – Смирнитский взял ручку, написал на листке бумаги несколько строк и протянул её Алексею. – В Астрахани у них головная контора.

– Хорошо. Ну, а кто же хозяин?

– Последняя информация на 1882 год: главой Правления поименован Егор Митрофанович Дубровин.

«Если фамилию „Максименко“ Александра Егоровна получила от мужа, то вполне можно было допустить, что она была дочкой главы всей компании. Что ж, очень даже вероятное предположение», – подумал Шумилов.

– Ну-ка, Пётр Семёнович, объясни-ка мне, неразумному, для чего люди эмитируют акции и не выводят их на биржу? Ведь если следовать голой экономической теории, то акции как раз и выпускаются для того, чтобы взять свободную наличность с биржи и предоставить её в распоряжение эмитента... Было бы товарищество на паях, то у Егора Дубровина была бы одна половина, у его компаньона – другая. И никаких малопонятных комбинаций с акциями.

Смирнитский засмеялся:

– Алексей Иванович, ты же юрист и сам знаешь ответ. Когда милые делят имущество, боги в ужасе закрываются облаками. Паевое товарищество хорошо до известных пределов. Отчётность её сравнительно просто сфальсифицировать. Кто-ни-

будь из компаньонов что-то дал другому компаньону, тот вроде бы вернул, а вроде бы нет, распределение паев изменилось, а вроде бы не менялось. Суду в этих взаимных зачётах разбираться очень долго и сложно. Акционерная компания куда надёжнее в плане предотвращения мошенничества: акции распределены, независимый депозитарий записал их на лицевой счёт каждого. Их не украсть, не переписать на себя уже нельзя. Даже если вор украдёт пачку акций и отнесёт их в брокерскую контору, то честный брокер пожелает видеть выписку о состоянии лицевого счёта в депозитарии и посмотрит, является ли продавец акций их действительным владельцем.

– Ну, этот механизм понятен, я-то сейчас говорю не о воре, который по сундукам и чуланам шарится. Что может стоять за двукратным эмитированием акций, которые так и не вышли на биржу?

– Знаешь что? – Смирнитский на секунду задумался. – Есть человек, который может кое-что знать об этой компании. Надеюсь, он сможет тебе помочь. Он мой хороший знакомый, дилер «Волжско-Камского банка». Банк этот крупнейший в Волжском бассейне, они у нас на бирже активно торгуют. Полагаю, там твою «Волжско-Уральскую пароходную компанию» должны хорошо знать. Хочешь, я тебе устрою с ним встречу?

– Буду очень признателен.

– Зовут его Герман Густавович Эйлер. Он обычно обедает у Фердинанда после шести вечера, как раз после закрытия торгов. Хорошая такая традиция хорошо кушать – Сможешь завтра присоединиться?

– Конечно. А может быть, сегодня? Сейчас только четыре тридцать. Как раз успеваем.

– Ну, если ты подождешь меня... э... минут несколько. Мне надо закончить с делами, буквально пару умных резолюций наложить.

Пообедать «у Фердинанда» означало посетить старинный, основанный еще дедушкой нынешнего, третьего по счёту, Фердинанда, ресторан на Малой Конюшенной улице. Удобная расположенность вблизи нескольких крупных банков и торговых компаний, а также отменная кухня и особая, очаровывающая гостеприимность владельца, обрусевшего датчанина, делали это заведение притягательным для банкиров и чиновников средней руки, т. е. публики весьма специфичной, умеющей пожить и ценящей комфорт и солидность во всяком деле. Здесь не было балалаечников и франкоговорящих певичек по вечерам, но зато подавали всегда отменный стек из телятины, и в любое время года здесь можно было отведать свежих ананасов, клубники и ароматной «малаги». Диваны и кресла вокруг столиков были мягкими и глубокими, с подушками не на пружинах, а с настоящей кокосовой стружкой – кому доводилось сидеть, тот навсегда запоминал разницу. Стены и потолок обоих залов были забраны благородным дубом, что придавало интерьеру теплоту и самодовольную роскошь настоящего дворца. Одним словом, это было место, способное понравиться любому человеку, готовому одновременно потратить для улады своего организма рублей сто, то есть, примерно пару месячных окладов ротного командира русской армии тех времен.

Удача сопутствовала приятелям. Кельнер, знавший Смирнитского в лицо и по имени-отчеству, сообщил, что «Герман Густавович ноне здесь». Эйлера они нашли одиноко сидящим в дальнем конце общего зала. Положив ногу на ногу, он сидел боком к столу и, казалось, дремал. Перед ним дымилась чашка ароматного кофе и лежала раскрытая «Торгово-промышленная газета».

– Поспешим, он, кажется, уже покончил с обедом, – поторопил Шумилова Пётр Семёнович.

Они подошли, поздоровались. Смирнитский представил своего приятеля:

– Алексей Иванович Шумилов, сотрудник «Общества взаимного поземельного кредита».

– Присаживайтесь за мой столик, господа, – предложил Эйлер, пожимая руки и убирая со стола газету.

– Что-то вы невеселы, Герман Густавович, – заметил Смирнитский. – Всё ли в порядке?

– Да вот прикупил сегодня «Санкт-Петербургского международного банка» на семьсот пятьдесят тыщ, теперь сижу, думаю, скажут ли за это мне спасибо? – пробормотал Эйлер. – Банковские акции до сентября лежать будут. Надо было в «железо» вбивать, Путиловский завод брать, у них большой казённый заказ на рельсы на подходе, а это отразится на акциях. До сентября можно было бы хорошую маржу поймать.

– Не переживайте, – бодро отозвался Смирнитский. – «Путиловец» перекуплен, а возможный заказ под Сибирь уже заложен в цену. И вообще неизвестно, успеют ли они до сентября получить заказ. Так что, по моему мнению, вы правильно поступили, вложившись в банк. Вам ли не знать, что у нас банки всегда в авангарде роста!

– Ваши слова, да Богу в уши, – вздохнул Эйлер.

Они поговорили ещё немного о сегодняшних торгах. Смирнитский расспросил, кто и почём выставял акции «Санкт-Петербургского международного банка» на продажу, Эйлер, отвечая, заметно приободрился. Шумилов в беседу биржевиков не вмешивался, читал меню, полистал винную карту ресторана аж на сорока страницах. Цены были приличные, почитай, в Ростов можно было дешевле прокатиться.

Эйлер, для того, наверное, чтобы вовлечь Шумилова в беседу, неожиданно к нему обратился:

– Ну-с, а вы, Алексей Иванович, какой бы дали совет относительно покупки акций «Международного банка» на период до сентября?

Видимо, он принял Шумилова за человека, знающего толк в биржевой игре.

– В римском праве была замечательная норма: *nemo e consilio obligatur* – советчик не несёт ответственности за совет. Поэтому, мне кажется, спрашивать советы бесполезное дело, всё равно отвечать придётся лицу, принимающему решение.

– Алексей Иванович юрист, – засмеялся Смирнитский. – Он знает, как ответить, даже не зная ответа.

Рядом со столом бесшумно возник официант и застыл в ожидании заказа.

– Господа, настоятельно рекомендую: сегодня рассольник с почками отменный и шницель телячий по-венски – просто пальчики оближешь, – не удержался Эйлер, большой поклонник здешнего повара.

Сделав заказ, Смирнитский взял быка за рога:

– Мы ведь по вашу душу, Герман Густавович. Нужна ваша консультация.

– Да я сразу понял, что вы здесь неспроста. Вы ведь обычно в «Стрелке» обедаете, Пётр Семёно-

вич? Так что за дело?

– Видите ли, Герман Густавович, – начал Шумилов, – я действую по поручению моего клиента, весьма крупного, состоятельного землевладельца, который захотел вложить деньги в «Волжско-Уральскую

пароходную компанию». Вам известна эта компания?

– Да, очень хорошо знаю и компанию, и владельцев. Они имеют дело с нашим банком. Солидные клиенты, – с достоинством изрёк Эйлер.

Неслышно сновали вышколенные официанты. Незаметно, как бы сами собой, появились столовые приборы, изящный хрусталь, коньячный графинчик. Фердинанд Третий большое внимание уделял

холодным закускам, почитая их чуть ли не самым важным элементом правильного обеда. Поэтому гостям были предложены медальоны из говяжьих мозгов с взбитым сыром в обрамлении аппетитных жареных гренок, телячьи «фляки» с белым соусом, распространявшим специфический аромат мускатного ореха, перца, майорана, салат из раков с сельдереем, осетрина с соусом из хрена.

– Так вот, мой клиент краем уха услышал о готовящейся продаже крупной доли этой компании... – продолжил Шумилов и замолчал на полуслове.

– Ну-у... – Герман Густавович озадаченно покрутил головой. – Я не знаю, откуда у вашего клиента такие сведения, лично я об этом слышу первый раз. Хм, я бы и сам купил... Компания эта богатейшая,

можно даже сказать – крупнейшая на Волге. Началась она с небольшого пароходства в Астрахани – возили арбузы. Было это с четверть века тому назад, году, эдак, в шестьдесят четвертом или пятом. По-

том расширились, стали выходить в Каспий, далее в Урал. Принялись возить нефть, которую на Каспии Нобель качал, зерно, лес – всё, что можно. Теперь у них в каждом крупном порту по Волге свои

пристани со своими же запасами угля, а это, как вы понимаете, резко увеличивает рентабельность, потому что они сами заправляют свои суда. Ныне, того и гляди, захватят Дон, в ближайшем будущем станут

возить донбасский уголь, в Кривом Роге большой потребитель его. Чтобы продать свою долю в таком деле нужно... ну, не знаю... быть полным идиотом. Это как продать курицу, несущую золотые яйца. Могу сказать одно: даже если какая-то доля и будет продаваться, то никому постороннему её купить не удастся. Остальные совладельцы чужака не пустят. У них по закону приоритетное право выкупа.

– А если кусок жирный, не проглотят? Если доля в миллион, в полтора миллиона?

– Проглотят! – уверенно парировал Эйлер. – Для такого-то дела не найти полтора миллиона? Что вы, окститесь! В чулке, конечно, полтора миллиона не лежат, разве что у какого-нибудь безумного помещика, но всегда можно договориться о взаимоприемлемых условиях оплаты: оговорить рассрочку, взять кредит, наконец. Компания эта семейная. Её основали купцы Дубровины, два брата – Егор и Степан.

В дальнейшем к ним присоединилась и сестра, в замужестве Сичкина. Она пришла в компанию со своим капиталом и мужем; разумеется, попросила долю в прибылях.

– Когда это произошло? – уточнил Шумилов.

– Году, эдак, в семьдесят третьем, давненько уже, лет пятнадцать тому назад. Сейчас компанией реально управляют один из братьев, Степан Дубровин и тот самый Сичкин, муж сестры.

– А второй брат?

– Второй брат, Егор, умер несколько лет назад, а долю свою на дочь переписал. Дочь внебрачная, в грехе прижитая, росла без него. Он в своё время женился на богатой, приданое взял приличное. Детей в браке не было. Да, видать, совесть мучила. Религиозный был человек. А как овдовел – переписал дочку на своё имя, и зажили они одной семьей. А перед смертью все имущество ей отписал – и дома и долю в компании. Грехи молодости замаливал.

– А как фамилия дочери?

– Максименко по мужу. Этот Максименко интересным был человеком. Начинал приказчиком у Егора Дубровина, был его правой рукой в Донском отделении компании. Приглянулся он дочери хозяина, сделался членом семьи. Но недавно неожиданно умер. Какая-то тёмная история вышла с этой смертью.

– Так, так, – начал что-то понимать Шумилов. – А что же это за история, не знаете?

– Точно не скажу, не знаю. Мой коллега в банке, который этой компанией занимается, упоминал, что возникли нехорошие подозрения, обвинения, кто-то что-то пытался мутить, но признаюсь, сказано было без подробностей. Вот я и говорю, что семейство никого постороннего в дело не пустит. Даже ежели большой ломоть и будет выставлен на продажу, то другие члены семейства обязательно его купят. Повторюсь, они имеют на то преимущественное право.

– Как полагаете, Герман Густавович, сколько сейчас стоит дело Максименко: все их пароходы, пристани с отведённой под них землёю, керосин в трюмах, уголь на берегу, здания, наконец, средства на счетах?

– Ну-у-у... – банкир задумался. – Полагаю, никто вам точную цифру не назовёт. Но по моему суждению, всё это может уложиться не менее как в... Миллионов двенадцать.

– Они дважды эмитировали акции. Общая номинальная стоимость обоих выпусков составила полтора миллиона. Из ваших слов я заключаю, что акции хорошо отросли и стоят сейчас много больше номинала.

– Вне всякого сомнения.

– Ну, что ж, придется мне разочаровать моего клиента. Спасибо вам за ценную справку, Герман Густавович.

– Мне пора господа. Приятного вам аппетита и до встречи. – Эйлер не спеша поднялся и отяжелевшей походкой направился к выходу.

«Да уж, сложно сохранять олимпийскую форму, ежедневно здесь обедая», – подумал Алексей Иванович, провожая его взглядом.

Обед действительно получился роскошный. За закусками последовал рассольник с почками, который так понравился Эйлеру, затем кролик в лимонном соусе и блинчики с яблоками. А на десерт было подано изумительно нежное суфле с черносливом, украшенное сверху дольками персика. Пётр Семёнович, видимо, привыкший к такому ежедневному изобилию, поглощал блюда с аппетитом, а для Шумилова всего вышеперечисленного оказалось слишком много. Впрочем, он, по словам матушки, всегда был «скучным за столом человеком», в том смысле, что кулинарных изысков не любил и не понимал, а потому кормить его было совсем неинтересно. По дороге домой Шумилов пытался тщательно обдумать всё, что удалось узнать за день.

«Барынька получила капиталы от отца, – размышлял он. – Но посвятила ли она в свои планы остальных совладельцев компании? Известно ли им об этой её странной затее? Или, наоборот, Александра действует по их прямой указке? Не получится ли так, что на каком-то этапе нашего взаимодействия выскочит, как чёртик из табакерки, какой-нибудь представитель клана Дубровиных и не начнёт ли выдвигать новые требования и ставить новые условия? Хотя... Кто знает, какие отношения в их семействе? Ведь бывает и так, что родные по крови люди живут друг с другом, как пауки в банке. Тут ведь миллионные капиталы. Люди и за меньшие деньги часто готовы друг другу глотку перегрызть. Так что же происходит? Александра Егоровна владеет большой долей в компании, но, видимо, в силу каких-то причин намерена эту долю продать, причём как можно скорее, дабы вложить деньги в землю. Иного происхождения больших наличных денег у Александры Максименко я пока не вижу. Что дальше будет с землёй, которую она намерена купить, неясно, у Максименко нет определённых замыслов. Похоже на то, что задача Александры Максименко состоит именно в том, чтобы увести свой капитал из „Волжско-Уральской компании“. Но зачем? С точки зрения здравого смысла глупо лишаться такого постоянного и надёжного источника дохода. Значит, есть у Александры причина куда более веская. Возможно, капитал уводят, чтобы довести компанию до формального банкротства... Но зачем?! В любом случае, это очень отдаёт мошенничеством или, по крайней мере, игрой на грани дозволенного законом. А меня, похоже, Александра Егоровна хочет использовать вслепую, как лафонтеновскую обезьяну, таскающую каштаны из огня».

Неожиданно размышления Шумилова приобрели несколько иное направление: «В 1873 году сестрица пришла к братьям со своими деньгами, попросилась, так сказать, в дело. В том же году появился первый выпуск акций. Каким-то образом они его разделили между собой – братья, сестра, возможно, её муж, сейчас неважно, в каких долях. Появление акций формально обозначило некий новый этап в развитии паровозного предприятия. Проходит девять лет, и в 1882 году эмитируется второй выпуск акций, в четыре раза больший предыдущего. Очевидно, что сие событие также знаменовало собою некий весьма важный этап». Шумилов догадался, что, возможно, именно тогда Егор Дубровин овдовел и формально удочерил «грех молодости» – Александру Максименко. В то время ей должно было быть что-то около семнадцати лет. Появление нового близкого родственника каким-то образом обеспокоило прочих дольщиков, потребовалось уточнить позиции, выяснить, кто и чем владеет. Да и компания значительно разрослась. Вот тогда-то и появились акции второго выпуска. Возможно, уже тогда Александра получила какую-то часть, а после смерти отца наверняка унаследовала львиную долю его акций. И ещё одна немаловажная деталь. Никак нельзя было не заметить того обстоятельства, что Александра Егоровна мало походила на безутешную вдову, недавно похоронившую любимого мужа. Вернее, она совсем на таковую не походила. Траура дамочка не носит, и если бы про неё не сказали, что она вдова, так Алексей ни за что бы об этом не догадался. «И что за история со смертью её мужа? – спохватился вдруг Шумилов. – Тёмная история, по словам

Эйлера, кто-то что-то пытался мутить. Уж не там ли сокрыта отгадка всех этих непоняток?»

Шумилов прекрасно знал, что обычный человек стремится действовать привычными схемами. Людей мыслящих нетривиально, способных на оригинальные комбинации, гораздо меньше, чем принято думать. И если Александра Максименко склонна использовать людей, в чём и заподозрил её Шумилов, то, вероятно, точно так же она вела себя раньше с мужем и отцом. Пока человек ей нужен, она окружает его вниманием и заботой, когда нужда пропадёт, она, скорее всего, выбросит его, как тряпичную куклу. Может быть, Шумилов ошибался. Но что-то подсказывало ему, что он верно понял эту женщину.

Итак, в Петербурге всё сложилось столь удачно, что Алексей Иванович справился с делами практически за сутки.

На следующий день после обеда у Фердинанда Третьего он забежал в свой кабинет в «Обществе взаимного поземельного кредита» и из реестра «закладных листов» выписал пару дюжин вариантов заложенных участков, могущих теоретически представить интерес для Максименко. Это всё были крупные поместья с оценочной стоимостью более ста тысяч рублей; кредиты под их залог должны были быть погашены в течение ближайших двух месяцев, однако, владельцы этих земель уже уведомили «Общество» о том, что, скорее всего, выкупать их не станут. Это означало, что в скором времени эти поместья окажутся выставленными на торги. В обратный путь Шумилов отправился дневным поездом. Дорога с севера на юг через пол-России немало развлекла его. Уютное отделение в пульмановском вагоне с диванами, постепенно меняющийся пейзаж за окном – от мрачных псковских ельников до светлых берёзовых перелесков к югу от Коломны, а главное – приятный попутчик, оказавшийся доктором из Екатеринодара, скрасили Алексею Ивановичу сорокачасовое путешествие.

Доктор оказался человеком вдумчивым и наблюдательным, кроме того, обладал несомненным даром рассказчика и поведал Шумилову много интересного о последних достижениях современной медицины от психиатрии до гомеопатии. Попутчик оказался хоть человеком немолодым, но неугомонным, ему было всё вокруг интересно. Узнав, что Шумилов юрист, он принялся с жаром обсуждать преимущества и недостатки суда присяжных и всей отечественной судебной системы. Оказалось, что он следит за всеми громкими процессами в Москве и Петербурге.

Распростившись с ним в Ростове, Алексей Иванович ощутил лёгкую грусть: живёт такой вот самый обычный доктор в провинции, безропотно тянет свою лямку, в любую непогоду безоговорочно срываясь к больным и страждущим, безо всякого пафоса делает большое и нужное дело, оставаясь оптимистом, неутомимой душой...

Побольше бы таких людей России, глядишь, и жизнь вокруг совсем иной бы стала...

4

– Алёша приехал! – навстречу вошедшему на террасу брату радостно бросился Димка. – А мы всё гадали, когда вернешься. Я хотел поехать на вокзал к петербургскому скорому, да мама сказала, что ты наверняка только завтра появишься.

– У меня, братец, строгое приказание: как приедешь, немедля везти тебя к Александре Егоровне. Мне за тебя досталось, – похохатывая, говорил Сергей, обнимая брата, – наша Дульцинея шибко обиделась, что ты сорвался в Питер, не сказав ей ни слова и не простившись.

– Даже так? То есть я теперь обязан уведомлять её о своих планах... А ведь я ей говорил, что должен буду поехать в Питер, просто не сказал, когда именно. Сергей посмотрел на Алексея уже без усмешки, внимательно.

– Вижу, в столице что-то случилось? Настроение... какое-то не то...

– Всё расскажу. Чуть позже. Вот пойдем купаться...

Спустя пару часов братья сидели на мягкой травке у воды, на их любимом донском берегу, где над водой простёрла свои сучковатые ветви старая ива. Вода мягко накатывала на песчаную отмель, шевеля мелкие камушки и поднимая песчинки. На неё можно было смотреть бесконечно, и эта ритмичность навевала умиротворение. Вот только у Алексея настроение было весьма не благостным. Он подробно рассказал старшему брату о поездке и признался в своих крепнущих подозрениях.

– Мне вполне по силам устроить для Александры Егоровы красивую комбинацию по покупке земли с дисконтом. Но для этого я должен быть уверен в её человеческих качествах.

– Не вижу связи одного с другим, объясни, – попросил Сергей.

– Объясню на примере. Скажем, шесть лет назад некий князь решил взять в нашем «Обществе» кредит под залог имения. Имение большое, окультуренное, там и запруда с зеркальным карпом, там и строевого леса двадцать тысяч десятин, и пасеки, и прекрасный дом, да не один, другими словами, чёрта лысого разве что нет. Всё это богатство оценивается нашими специалистами, скажем, в четыреста тысяч. Князь получает кредит на сорок процентов от оценочной стоимости, то есть сто шестьдесят тысяч со сроком погашения через шесть лет. Процент для нас неважен, поскольку князь в пух и прах проигрывает деньги в Ницце и возвращать кредит не собирается, о чём за полгода официально нас уведомляет. Итак, в распоряжении «Общества» оказывается прекрасный надел, который пойдёт на торги для погашения возникшей со стороны князя задолженности. Перед его постановкой на продажу на место выезжает представитель «Общества» для того, чтобы оценить нынешнее состояние заложенного имения. И тут начинается самое интересное...

– Я слушаю, продолжай.

– Этот представитель может формально подтвердить оценку шестилетней давности. А может написать, что за прошедшие годы дамба пришла в негодность и запруда спущена, никакого зеркального карпа нет и в помине. Разрушение запруды привело к заболачиванию обоих берегов реки и выключению из землепользования, скажем, четырёхсот десятин пойменной земли. А может и восьмисот. Княжеские хоромы обветшали, к жилью непригодны и требуют ремонта. Строевой лес вообще порубили окрестные мужики, так сказать, поворовали, да пожгли, подлецы, и теперь его там не двадцать тысяч десятин, а хорошо, если двенадцать осталось. Короче, надо пересмотреть оценку в сторону понижения. И возникает тот самый дисконт, который сможет поймать новый владелец этого поместья. Если дисконт двенадцать процентов, то от четырёхсот тысяч это составит сколько?... Правильно, сорок восемь тысяч рублей, но ведь можно написать и двадцать процентов, и двадцать пять. Все в нашем «Обществе» прекрасно понимают, что означает подобная переоценка, но закрывают глаза, поскольку с таких операций

каждое ответственное лицо что-то получает. И должен сказать, что члены нашего Правления постоянно проводят такие сделки.

– Так что именно смущает тебя в случае с Александрой Егоровной?

– У человека, купившего землю с большим дисконтом в силу понятных причин возникает соблазн быстро её перепродать, так сказать, пуститься в банальную спекуляцию. А делать этого нельзя. Просто в силу разумной осторожности, дабы не привлекать к себе внимания новых соседей, предводителя местного дворянства. Земельного комитета. Опыт подсказывает, что всегда найдётся масса желающих раздуть кадило и спросить: как это господину Такому-Сякому удалось купить задёшево и продать задорого? Нельзя привлекать к себе внимание. Для этого надо быть уверенным в клиенте.

– Что ж, – Сергей пожал плечами. – Ты знаешь, о чём говоришь. Я тебе тут не советчик.

– Я не стану организовывать сделку для Александры Максименко до тех пор, пока твёрдо не буду знать, что же на самом деле происходит в её голове. Мне совершенно непонятно, чем она руководствуется, решаясь на вывод денег из в высшей степени рентабельной паровой компании... Если только моя догадка вообще верна, и Александра Егоровна, в самом деле, планирует вывести оттуда свои капиталы...

– Послушай, братец, поезжай-ка ты завтра к дяде Мише, – подкинул мысль Шумилов-старший. – Потолкуй-ка с ним.

Дядя Миша, а для всех прочих Михаил Васильевич, был родным дядей братьев Шумиловых по отцу. Уже более двух десятилетий он служил в ростовской полиции. Это был человек широкий, открытый, многословный; не в последнюю очередь благодаря именно этим качествам, он имел обширное знакомство в городе. Кому, как не ему – как по долгу службы, так и в силу особенности натуры – было не знать городских новостей?

– Я подумал об этом же, – буркнул Алексей. – Глядишь, и в Питер ездить не понадобится бы. Пойдёшь со мной?

– Уволь. Я, наверное, завтра в Тулу подамся. Дела мои в Ростове закончились и, судя по всему, вполне успешно.

Назавтра вечером, уже проводив к поезду старшего брата и пообещав в будущем году непременно приехать к нему в Тулу, Алексей Иванович Шумилов отправился в гости к своим родственникам, дяде Мише и его семейству. Родня проживала на другом конце Ростова, в Острожном переулке, неподалёку от одного из старейших в городе православных храмов – Церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Матушка собрала корзину всяких гостинцев – кувшин домашнего подсолнечного масла, которое она умела очищать углём как никто другой, да пару бутылок молодого домашнего вина; отец же положил связку толстых журналов, выписанных из Москвы – для племянников.

Дядя жил в просторной квартире с отдельным входом в уютном двухэтажном домике, спрятавшимся в глубине палисадника. За домом также был небольшой садик, куда вела задняя дверь. Там, под навесом, увитым густой виноградной лозой, располагался деревянный настил, заменявший собою террасу и беседку. Это было любимое место семейных ужинов на свежем воздухе. За столом собралось дружное семейство – сам хозяин дома, добродушный пятидесятипятилетний Михаил Васильевич, его жена, хохотушка Любовь Ивановна, и младший сын Колька, гимназист 4-го класса. Старшие дети с родителями уже не жили.

После обильного неспешного ужина, после долгих рассказов о Петербурге и обсуждения последних политических новостей, Алексей подступился к интересующей его теме.

– Дядя Миша, скажите, а вам говорит что-нибудь фамилия Максименко?

– Конечно, ты ещё спрашиваешь! Известная персона! Александра Егоровна, купчиха, миллионщица. Живёт на Николаевской. Молодая вдова. Лакомый, кстати говоря, кусочек для

многих искателей богатых невест. Её, почитай, весь город знает – купцы, заводчики, администрация. А отчего ты спрашиваешь?

– Познакомили меня с нею. Не могу понять, что за человек. Вот, думаю, может, вы мне глаза откроете, – задумчиво промолвил Алексей. Он нарочно не стал давать исчерпывающего ответа, оставляя место для фантазии собеседника: пусть дядя Миша сам домыслит, кто и с какой целью это знакомство устроил.

– Хм, что ж тебе сказать? – хмыкнул дядя. – Дом у госпожи Максименко на широкую ногу, такие обеды закатывает! Не знаю, как у вас в Петербурге, а у нас такое нечасто встречается. Даже очень богатые дельцы живут прижимисто. А она не такая. Всё у неё схвачено, куплено, везде друзья. Стоит ей пальцем пошевелить, как тут же найдутся исполнители любых капризов. Муж её покойный крепким хозяином был, но всё как-то меньше на виду.

– Да крепким-то крепким, но только пожилы они недолго, – добавила Любовь Ивановна. ~ Вот тоже история вышла.

– А что за история?

– Умер. Заболел тифом и умер. Он по делам мотался, – пояснил дядя. – Опять же, с людьми разными общался. Поехал в Калач, там заразился тифом, а когда она его сюда перевезла – умер. Болел, кстати, довольно долго, чуть ли не месяц. Лечили его...

Дядя примолк.

– И это всё?

– Ну, чего молчишь-то? – подначила мужа Любовь Ивановна. – Рассказывай уж, коли начал. – И, подмигнув Алексею, добавила: – Это он честь мундира так блюдёт.

– Ой, да при чём тут честь мундира? – отмахнулся дядя. – Пустое всё, даже рассказывать не о чем. Лечил, значит, этого покойного мужа госпожи Максименко некий доктор Португалов. Вроде бы приличный с виду человек. А когда Максименко помер, доктор стал вымогать у вдовы взятку в четыреста рублей. Дескать, не подпишу вам разрешение на захоронение тела и всё тут.

– А он это как-то мотивировал? – осторожно спросил Алексей.

– А чем взятки мотивируются? – парировал дядя. – Денег хочу – вот и весь мотив... Португалов заявил, что, дескать, нужно установить причину смерти – намёк на то, что, может, и не своей смертью мужёнок помер. Но если по уму – что там можно было придумать, когда человек целый месяц болел!? И болел-то чем – тифом! Просто доктору денег хотелось, вот он и воспользовался возможностью проявить свою власть. И, заметь, всё это происходило, когда вдова в горе пребывала. Тут надо похоронить человека по-христиански, а доктор, пройдоха, документ не подписывает!

– Интересная история, – кивнул чрезвычайно заинтересованный Алексей. – И что же было дальше?

– Вышел скандал. Вдова молчать не стала. И, кстати, правильно поступила. Она заявила на доктора в полицию, обвинила его в вымогательстве взятки. Но сказала, что платить ни за что не станет, и сама потребовала назначить экспертизу по установлению причины смерти мужа, чтобы отбить инсинуации доктора.

– Что же доктор-то сказал в своё оправдание?

– Обвинил вдову в том, что она, дескать, отравила мужа. Но ему никто не поверил, конечно. Сейчас он такая пария, все приличные люди ему от дома отказали и от услуг его врачебных тоже. Согласись, паскудная история с этими деньгами вышла. Интересно, у вас, в Петербурге тоже вымогатели встречаются?

– Не знаю, ни одного не видел. А этот доктор...

– Португалов, – подсказал дядя Миша.

– Да, Португалов, он что, был посторонним человеком? Ведь обычно к больному приглашают семейного врача, который лечит и отцов, и детей, и внуков и которому все доверяют.

– Насчёт этого не знаю, но то, что он не лечил старшее поколение в их семействе – точно, поскольку чета Максименко приехала сюда всего несколько лет назад, уже после женитьбы. А до этого они вроде как в Астрахани жили, именно оттуда Александра Егоровна родом.

– Любовь Ивановна, а вы что скажете? – Алексей всем телом поворотился к женщине, поскольку интуитивно чувствовал, что её переполняет желание принять участие в разговоре. – Что-то про честь полицейского мундира, верно?

– Я так скажу, Лёшенька, про то, как Португалов требовал с Максименко деньги, я ничего не знаю, поскольку при том не присутствовала. А знаю лишь то, что про Ивана Португалова многие люди говорят только хорошее. Знаю, что людям в помощи он никогда не отказывал и у бедных людей последнюю копейку из кармана не тянул. Может, он и попросил у Сашки Максименко деньги за службу – так могла бы и дать, нечего скопидомничать! Ей эти четыреста рублей, что четыре фантика, она куда более на свои утехы бросает. И муж ей был не пара – слишком разные люди. Уж не знаю, отравила она его или нет, да только она его в могилу свела, и нечего тут на доктора тянуть. А Ивану Португалову рот заткнули...

– Ой, да ладно, Любана, – отмахнулся дядя Миша. – Сейчас начнёшь тут маккиавелизм разводить!

– Заткнули, заткнули! Ты своих всегда защищаешь, да только у всякого Егорки свои отговорки! Знаю я, какие держиморды в полиции работают, слава Богу, замужем за полицейским, так что, почитай, сама на службе состою. Так что ручаюсь, Лёшенька, дело там грязное и тёмное, а хорошего человека просто крайним назначили, как почитай, всегда у нас делается.

– А как мне этого доктора разыскать? – полюбопытствовал Алексей.

– А на что тебе? – хитро посмотрел на племянника Михаил Васильевич. Но супруга ту же его осадила, даже не дав Алексею времени ответить.

– Ты, Миша, как иудей разговариваешь: вопросом на вопрос отвечаешь! А живёт Иван Португалов на Митрофаньевской, там за церковью двухэтажный домик с голубой крышей и голубыми наличниками.

Подойдёшь, спросишь, там тебе его всяк укажет.

– Хочу проконсультироваться по поводу астмы для одного моего петербургского приятеля, – объяснил Алексей своё любопытство. – Думаю, раз пациентов у доктора сейчас мало, он не станет заламывать дорого. Как думаете?

На самом деле Алексей Шумилов вовсе не был уверен, следует ли ему продолжать погружаться в семейные дела малознакомой женщины, или имеет смысл корректно прервать знакомство с нею, сославшись на какой-либо достоверный, но надуманный предлог. Мысли шли враздрай, не позволяя остановиться на каком-то решении. Для Шумилова было очевидно лишь то, что элементарные нормы приличия требовали от него визита к мадам Максименко. Кроме того, Алексей тяготился предстоящим разговором с Александрой Егоровной, вернее, его деловой частью.

Однако ехать к ней было необходимо. На следующий день после посещения дяди Миши Алексей поутру отправился на Николаевскую улицу. Он выбрал утреннее время нарочно, полагая, что в такой час у Александры Егоровны не должно быть гостей. Прихватив роскошную коробку шоколадных конфет, купленных в магазине Елисеева на Невском проспекте специально в презент купеческой вдове, Шумилов вышел на улицу, но, глянув в небо, решил вернуться за зонтом. Весь небосвод затянуло плотной облачностью, а воздух оказался на удивление парким. Полное безветрие свидетельствовало о приближении грозы. Птицы примолкли, собаки и кошки попрытались, природа словно замерла в ожидании.

До дома Максименко он успел добраться практически в ту самую минуту, когда грянул первый гром. Последние полета метров Шумилов проделал под настоящим водопадом и, войдя в дом, вручил горничной мокрый зонт.

Алексей вздохнул с облегчением и даже мысленно похвалил себя за предусмотрительность, застав Александру Егоровну на пороге террасы в полном одиночестве. Она рассматривала льющиеся с неба потоки воды и выглядела задумчивой.

– О, Алексей Иванович, – обернулась она к Шумилову. – Как давно вы у меня не были! Я уж, было, вас совсем потеряла.

Она говорила нараспев, слегка запрокидывая назад голову, и смотрела на Алексея снизу вверх. Когда она подала Шумилову для поцелуя руку, накинутая на плечи ажурная шаль скользнула вниз, открыв взору гостя полупрозрачный пеньюар тонкого розового шелка. На шее с правой стороны цепочкой протянулись три темные родинки.

– Пойдёмте в кабинет, – предложила Максименко, возвращая шаль на место, не очень, впрочем, поспешно.

В кабинете она села в старое кресло у стола и игриво скомандовала:

– Берите стул, садитесь подле. Рассказывайте, как поживаете. Сейчас будем кушать фрукты.

Она позвонила в колокольчик, явившейся горничной приказала принести сока и фруктов. Откинувшись в кресле и закинув ногу за ногу, Александра Егоровна рассматривала Шумилова. Домашняя туфля с загнутым на турецкий манер острым носом покачивалась на босой ноге. Длинные русые волосы были небрежно заплетены в рыхлую косу. Откуда-то появился здоровый белый котик-перс, он нагло взгромоздился на колени хозяйке и, блаженно жмурясь от ласкового поглаживания за ухом, заурчал, точно трансформатор. По причине раннего, по понятиям её круга, утра, Александра Егоровна была одета и причёсана по-домашнему, без церемоний. Молодость и свежесть всегда привлекательны, даже в такие «непарадные», непредназначенные для постороннего глаза минуты.

– Я должен извиниться за долгое отсутствие, – проговорил Шумилов. – Дела потребовали моего срочного отъезда в Петербург. Кстати, там я занимался, в том числе, и вашим делом.

– В самом деле? Как это интересно... У нас здесь такая тоска, – отозвалась Максименко. – Как там Петербург, вы наблюдали что-либо интересное?

Шумилов озадаченно задумался. Он не знал, как ответить на последний вопрос, а, кроме того, его смутило то обстоятельство, что Александра Егоровна не проявила ни малейшего любопытства относительно результатов его поездки.

– В Петербурге сыро, на редкость холодно и скучно. Даром что середина июля. Студенты на каникулах, чиновники – на дачах, гвардия – на манёврах. Решительно не знаю, что можно рассказать, дабы вас развлечь.

Неслышно вошедшая с подносом горничная принесла графин сока, судя по цвету, апельсинового, и большое блюдо с фруктами: ананасом, апельсинами, яблоками, веткой чёрного винограда.

– Попробуйте нашего сока. Мы его сами давим из померанцев и добавляем лимон. Очень вкусно! – предложила Максименко. – Заодно и мне налейте.

Она внимательно смотрела на Шумилова, и во взгляде её читалось лукавство, кокетство и Бог знает, что ещё. Алексей слегка опешил и, понимая, что слова собеседницы в данном случае живут какой-то своей, абстрактной жизнью, ничего не имеющей общего с тем, что на самом деле она думает и хочет сказать, включился в эту игру. Словно бы не замечая провоцирующего взгляда, обнажившихся до самых плеч рук Александры Егоровны, Шумилов принялся деловито рассказывать о Петербурге, о своём кратком путешествии, о результатах посещения «Общества взаимного поземельного кредита».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.